

The illustration depicts a woman in the foreground, wearing a purple and gold corset with intricate patterns and a sheer purple cape. She has long, flowing hair and wears a golden crown with red gemstones. Behind her, a man with a fierce, shouting expression is visible, wearing a blue and white patterned garment and a necklace. The background is a hazy, mountainous landscape. In the top right corner, there is a circular icon with the text '16+'.

16+

Анатолий Новгородцев

Делать, что должно!

Анатолий Новгородцев

Делать, что должно!

«ЛитРес: Самиздат»

2012

Новгородцев А. А.

Делать, что должно! / А. А. Новгородцев — «ЛитРес: Самиздат», 2012

Рушатся сложившиеся веками устои – иномирье, поддерживаемое магами-отступниками, грозит подчинить и уничтожить всё живое. Бунты и войны, кровожадные монстры и демоны, кровь и смерть. Сложилось так, что остановить зло могут лишь обладающая особым магическим даром хуторская девчушка и темнокожий воин из заокеанской страны. Они познают дружбу и любовь, предательство и смерть. Им и их друзьям суждено каждому выстоять в своём личном бою и заплатить свою цену. И пусть порой всё кажется безнадежным – но они уверены в том, что человек в любой ситуации должен выполнять свой долг, невзирая ни на что!

© Новгородцев А. А., 2012

© ЛитРес: Самиздат, 2012

Содержание

Делать, что должно	5
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	18
Глава 6	20
Глава 7	23
Глава 8	27
Глава 9	29
Глава 10	31
Глава 11	32
Глава 12	33
Глава 13	38
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Делать, что должно

Ветер стегал чёрные, обледенелые скалы, словно боевой бич, завывал в ущельях стай голодных волков, срывался вихрями со скользких уступов и валунов, свистя, вспарывал свои плотные, как шёлк, струи об острые клыки каменных и ледяных сколов и со стоном разбивался о гранитные щиты гор. Низкое свинцовое небо цеплялось за скальные пики, и через порванные прорехи лезли кучковатые облака, как войлок из разрубленного кривыми мечами кочевников стёганного защитного панциря. Бледно-красное солнце почти не давало ни света, ни тепла, бессильное перед стылым дыханием Тьмы и Стужи.

Холод. Госка. Безвременье...

В тёмной пещере проснулся дракон. Изначальная магия, вместе с кровью бурлящая в могучем теле, среагировала на несущиеся струнами мироздания волны тревоги и опасности. Тяжёлые морщинистые веки дрогнули и медленно поползли вверх, открывая сияющие, как светильники, тёмно-янтарные глаза с вертикальными прорезями чёрных зрачков. Они видели мир со времён, когда человек лишь пытался обрести в нём право и место на существование. Дракон видел, как взроsteет человечество, знал его силу и слабость, неутолимую жажду знаний и столь же безудержное властолюбие. Люди познали магию, и, не желая представить последствия, использовали Силу, удовлетворяя собственные желания и прихоти.

Магическое поле Земли затрещало по швам. Сложное, извечное хитросплетение силовых линий нарушалось и растягивалось. Тогда-то дракон, первобытное магическое существо, изначально миссией которого являлось поддержание природного равновесия, начал собирать и копить в пещерах золото и самоцветы. Он умел аккумулировать и хранить в них энергию, выпуская и направляя её в нужные моменты и в нужных направлениях, латая истекающие магической кровью дыры мироздания.

Тяжёлая голова, увенчанная массивными гребнями, оторвалась от гранитного пола, хвост с костяным наконечником, одним движением сметающий лошадь вместе с рыцарем, шевельнулся в углу. Прознав о сокровищницах драконов, люди полезли в горы. Тысячи их сгорели в драконьем пламени, расплавляющем скалы и превращающем песок в стекло, но расстались с жизнью десятки взрослых драконов, главное же – были уничтожены сотни яиц. Для существ, способных к воспроизведению потомства раз в век, потери оказались невозполнимыми, практически смертельными.

С шуршанием развернулись мощные, кожистые крылья, и дракон медленно вырос посреди пещеры, как появляющийся из пепла Феникс.

Он помнил времена, когда жадность и жестокость людей привели к магическим бурям, сотрясшим сами устои этого мира. Люди поставили магию в услужение правителям, стали применять её для ведения захватнических войн, использовать заклинания и затрагивать силы, о сущности и подлинной, скрытой мощи которых не имели ни малейшего представления. Магическая сфера Земли разрушалась. Чистая энергия Космоса мощными, неконтролируемыми потоками лилась на Землю, не расходясь более по паутине силовых линий. Гибель грозила всему живому.

Длинные и острые, как серпы, когти со скрежетом прочертили борозды в граните.

Много воды утекло с тех пор. Нашлись люди, сумевшие постичь масштабы и неизбежность грядущей катастрофы. Они смогли остановить безумие стихийных магов и стабилизировать магическую сферу земли.

Но склеенный сосуд – уже не новый и не целый, каким бы хорошим ни был клей...

Некоторые раны, нанесённые защитному панцирю планеты, оказались не заживляемы. Лишь силами великих магов, посвятивших свою жизнь неусыпному служению всему миру, удавалось сдерживать и перераспределять энергетические струи Космоса. Однако же, равнове-

сие, сколь бы шатким оно ни было, длилось уже несколько веков. Величайшие маги прилагали все усилия, чтобы поддерживать его.

Уже десятки лет дракона практически не беспокоили происки людей. Одинокие глупцы – искатели славы и приключений, либо группки жадных идиотов не в счёт – кости их давно истлели в ущельях и углах пещер.

Однако несколько десятилетий назад Дракон ощутил присутствие в мире совсем иной магии, другой энергии. Это была энергия совершенно чуждого рода, и ничего, кроме угрозы, она в себе не несла. Вкусив однажды свобод нового мира, она продолжала пытаться проникнуть в него и поглотить без остатка. Прорывалась, струилась, сочилась по капле, используя любую брешь, любую слабинку. К тому же, всегда находились люди, чья жадность, желания власти, страсть, похоть или просто глупость толкали их в услужение Тьме.

И вот сейчас вновь всколыхнулось магическое поле Земли. Всей сущностью дракон ощущал, как жадно заклубилась вокруг светлого молодого мира Тьма, хищно вытягивая липкие щупальца, щёлкая кровожадными клювами, раскрывая зловонные пасти. Вновь, благодаря человеку, у неё появлялся шанс восторжествовать над Светом.

Дракон вскинул голову вверх, к далёкому, исполосованному косо летящим колючим снегом неправильному овалу входа в пещеру, и из могучей пасти вырвался хриплый и низкий угрожающий рев, от которого завибрировали стены пещеры. И горы откликнулись шумом далёкого камнепада...

Глава 1

Старейшая вскинула руки к солнцу, и разом умолкли разговоры и смешки запрудившей деревенскую площадь толпы.

– Великая и Вечная Матерь-Природа! Дети твои, люди племени Орла склоняются пред тобою и призывают к тебе!

Три сотни темнокожих жителей затерянной в глубине джунглей деревни внимали молитве-воззванию к Великой Матери. Вождь и шаман племени, Железный Корень, стоящий позади Старейшей на сколоченном из брёвен возвышении на краю площади, обвёл взглядом замерших соплеменников. Всех он знал и чувствовал. Дар Говорящего с Природой позволял ему протянуть между собой и любым собеседником незримую нить, через которую можно слышать игру струн души, чувств и даже мыслей. Дар, который ему надлежало передать достойному преемнику.

– Мы благодарны тебе, Великая, за твою щедрость и доброту! Собран урожай, и клети полны кукурузных початков, а под навесами не счесть мешков с подсушенным сладким корнем. Свиньи наши тучны, вдоволь добыто, насолено и засушено мяса и рыбы. Шкатулки полны речной слезы, за которую вскоре торговец даст нашему племени железное оружие и орудия труда.

Взгляд Железного Корня остановился на невысоком, но стройном и отлично сложенном юноше, выделяющемся среди остальных соплеменников. Кожа его была значительно светлее и ближе к коричневому оттенку, чем к чёрному, глаза изумрудно-зелёные вместо карих либо чёрных, а волосы, перехваченные ремешком и спадающие на спину, струились огненными кудрями, разительно отличаясь от прямых чёрных волос других мужчин.

Полторы дюжины зим назад разведчики племени обнаружили в лесу семью чужаков – мужчину и двух женщин, ведущих неравный бой с лесными кочевниками-людоедами. Спасти удалось лишь одну женщину, да и та к вечеру умерла, оставив на руках пытающегося помочь ей шамана зеленоглазого младенца с кожей орехового цвета и волосёнками, которые вскоре стали похожи на жар вечернего пламени.

– Сегодня – праздник, День Урожая. Люди племени Орла будут веселиться, петь и плясать, выражая свою радость и свою благодарность тебе, Великая Мать! Мы чтим твои законы и заветы предков. Будь же и впредь благосклонна к детям своим!

Морщины, словно ножевые шрамы, резче обозначились на суровом лице вождя. Несколько зим назад, назначая своего ученика, будущего преемника дара Говорящего и шамана племени, он остановил выбор на чужаке, предпочтя его собственному племяннику. Зеленоглазый мальчик куда лучше ощущал пронизывающие всё и вся невидимые нити природной силы, отлично чувствовал их дрожание и понимал звуки. Железный Корень был убеждён, что благо племени необходимо ставить превыше мелочного родства. Так учили предки.

Но обиженный племянник не внял доводам разума, позволил зависти оплести свою душу чёрной паутиной, дал поселиться в сердце змее ревности и злобы. Между двумя подростками, а затем и юношами разгорелось нешуточное соперничество, и племянник Железного Корня не гнушался никакими подлыми уловками, стремясь превзойти и унижить соперника. Не помогали никакие разговоры и наказания.

Тем не менее, оба юноши стали лучшими среди сверстников в боевых упражнениях, одновременно прошли посвящение в воины, и вместе совершили поступок, за который их детские прозвища были торжественно заменены взрослыми именами.

Вылетевший из чащи джунглей буйвол был страшен, словно демон. Чёрное безумие, в самое жаркое время года, поражающее самцов крупных травоедов – слонов, носорогов и

быков, – вышло досуха и без того неглубокий разум, выжгло вложенные инстинкты, оставив лишь багровую жажду убивать, уничтожать всё, вставшее на пути. Сейчас на пути оказалось озеро, в котором купались дети племени Орла под присмотром двух женщин и двух юных, едва прошедших посвящение воинов. Случилось так, что ими были непримиримые соперники – племянник вождя и чужак-найдёныш.

Стояла жаркая пора. Все жители деревни работали в поле, охотились, рыбачили, чинили постройки и инструменты. Воины-разведчики перекрывали подступы к деревне, и чужаки никак не могли оказаться под её стенами, а крупных хищников в округе не было. Для защиты же детей от случайно забредшего леопарда либо волка-одиночки двух воинов хватило бы вполне.

Но несущаяся из джунглей смерть выглядела способной разметать в клочья полноценный отряд крепких охотников. Хриплый рев вырывался из воспалённой бешеным галопом глотки, пена клочьями летела под пудовые копыта, взрывающие землю, и рога, между кончиками которых могла бы свободно улечься пантера, грозно целились в самую гуцу парализованных ужасом детей.

Племянник вождя племени не колебался ни секунды. Стремительно, как пуценная стрела, помчался он навстречу быку, потрясая тяжёлым боевым копьём и издавая охотничий клич. И так страшен был его крик, так неукротим в своей отчаянной смелости порыв, что даже безумный зверь на мгновение сбился с шага. Воин же, сблизившись с буйволом, взлетел в высоком прыжке, направляя широкое отточенное острие в затылок быка поверх могучих рогов.

Но в последнее мгновенье зверь мотнул головой, и калёный наконечник со звоном отскочил от каменнотвёрдого рога, а древко вырвалось из рук юноши. Следующее движение должно было нанизать человека на рог, как кусок мяса на вертел, но молодой воин извернулся в воздухе, оттолкнулся ногой от крутого загровка и, перекатившись, оказался на ногах. Взрыв копытами землю, буйвол развернулся и бросился на нового врага, а юноша помчался прочь, уводя зверя от озера и деревни.

Напарник же его тоже не терял ни мгновенья. Энергичными воплями и шлепками он собрал в кучу малышей и под предводительством женщин направил их в сторону деревишки, а сам помчался за зверем. С собой он не взял ни копья, ни тяжёлой дубины, лишь два любимых им боевых ножа висели на поясе.

Убегающий от быка юноша мчался по широкой дуге, и его напарник, мгновенно оценив направление, кинулся наперерез. В тот миг, когда буйвол заметил движение сбоку и начал поворачиваться, воин взвился в воздух и оседлал бугрящийся мышцами косматый загровок.

У него было одно мгновение, и юноша использовал его в полной мере. Ножи выскочили из ножен, и одновременный удар обеих рук вскрыл артерии под ушами зверя.

Перекатившись по земле, воин вскочил на ноги, а буйвол после нескольких скачков остановился, заливая землю бьющей двумя фонтанами алой кровью, затем подломились ослабевшие колени, и поверженное чудовище рухнуло беспомощной и безопасной грудой мяса и костей...

После того случая племянник Железного Корня за смелость и неукротимость получил имя Чёрный Бык. Его же напарника-чужака назвали Саблезуб – по имени огромной кошки, охотящейся в самых отдалённых закоулках джунглей и своими мощными клыками поражающей даже слонов и носорогов.

Старейшая закончила молитву, и люди радостно загомонили в предвкушении праздника.

– Сейчас начнётся Праздник Урожая! – возвысила голос женщина, управляющая всеми внутренними делами племени, оставляя вождю командование воинами. – Но прежде, согласно традиции наших предков, будут заключены новые союзы верности, а также скреплены священ-

ным огнём очага союзы, заключённые в прошлое празднество, если будет на то воля Великой и желание любящих!

Губы Железного Корня сжались в твёрдую линию, на скулах заиграли тугие желваки. Именно в прошлый День Урожая случилось доселе небывалое в племени Орла.

После совместной схватки с бешеным зверем вражда юношей поутихла, и Железный Корень надеялся на примирение. Но надо же было случиться, чтобы оба юношеских сердца воспылали любовью к синеокой красавице Бирюзе!

По традиции мужчина, желающий заключить союз верности, в День Урожая вручает своей избраннице подарок. Если она его принимает – союз заключён, и весь следующий год пара считается женихом и невестой, продолжая жить раздельно, под кровом своих отцов. Через год жених, если его желания не изменились, снова вручает невесте украшение. Приняв его, она подтверждает согласие на всю жизнь стать хозяйкой его очага.

И вот, в прошлый праздник, юная Бирюза приняла подарок Саблезуба, отвергнув Чёрного Быка. И не выдержала отравленная завистью и ревностью душа молодого воина. В гнев проклял он влюблённых, отрёкся от предков, семьи и всего племени и покинул деревню.

Вождь тяжело вздохнул и переключил внимание на происходящее на площади.

Новые союзы уже были заключены, и сейчас между разделившейся надвое толпой выстроились пары для подтверждения чувств, открытых друг другу в прошлом году.

Они стояли друг против друга – семь юношей и семь девушек, молодые и прекрасные в своём ожидании, волнами прогоняющем по жилам то радостное предвкушение счастья, то мгновенную тревогу при мысли о возможном отказе. Саблезуб и Бирюза стояли на краю, дальше всех от возвышения старейшин племени, но Железный Корень отлично видел их сияющие счастьем глаза, чувствовал переполнявшую их любовь и пьянящее, неудержимое влечение друг к другу.

– Согласно заветам наших предков, – подала голос Старейшая, – пусть свершится обряд, необходимый для продления жизни племени Орла! У вас был целый год, чтобы проверить силу и подлинность своих чувств. Если юноша усомнился в них – пускай извинится, и не отдаёт подарка. Если девушка не хочет быть матерью его детей и хозяйкой очага – пускай не принимает украшение. Ни словом, ни мыслью никто не смеет порицать отступившихся, ибо во сто крат хуже создать очаг, пламя которого не будет питаться силой любви! Не будет добра от такого союза, ибо негоден и противен он Матери-Природе. Итак, обменяйтесь подарками!

На площади стало тихо-тихо, и даже знакомый всем с детства, неотъемлемый шум окружающего деревню тропического леса как бы отодвинулся и примолк, стесняясь мешать вершащемуся обряду.

Железный Корень прикрыл глаза, сосредоточившись на нежно скользящих по коже нитях Силы Природы. Действительно ли он ощутил прикосновение близкой беды, или плохие воспоминания сыграли с ним злую шутку? Но плохое предчувствие не уходило, его источник тягучими волнами гнал перед собой боль и страх с запада, со стороны болот.

Юноши одновременно шагнули вперёд, разворачивая перед собой полосы ткани, в которую до поры были завернуты подарки – самодельные бусы и браслеты, заботливо сплетённые из кожаных шнурков и пальмовых волокон, украшенные разноцветными камнями, причудливыми черепашками, диковинно-красивыми перьями, вырезанными из дерева и кости фигурками животных. Лишь Саблезуб промедлил мгновение, а затем протянул стоящей перед ним Бирюзе живой цветок.

Это была лунная лилия, цветущая лишь несколько ночей в году, в полнолуние, в затерянном среди джунглей Чёрном озере. По преданиям стариков, цветы охраняют злобные духи и лесные демоны, и смерть грозит всякому смельчаку, дерзнувшему сорвать прекрасную семилепестковую чашу величиной с голову десятилетнего ребёнка. Поэтому строго воспрещалось ходить к озеру ночами накануне Праздника Урожая. Но Саблезуб не смог устоять перед иску-

шением вручить своей любимой столь редкий подарок, и что с того, что холодные кольца водяного удава едва не утащили его на истекающее ледяными ручьями дно? Изумление и радость, вспыхнувшее в синих с искрами глазах Бирюзы, безусловно, стоило того, чтобы сразиться даже с целой ордой самых настоящих духов, не говоря уж о каком-то питоне!

Девушка протянула руки, и великолепный цветок лёг в её ладони. Перламутрово-белые лепестки мерцали изнутри бледным, чуть розоватым светом, и этот свет, отражаясь в огромных глазах девушки, оттенял сияние в них искренней, как юность, любви.

Укол надвигающейся беды на этот раз был так пронзителен, что Железный Корень вздрогнул всем телом. Что же происходит? Со всех сторон деревни по лесу выверенными многими годами опыта маршрутами движутся группы разведчиков. Мимо них крайне трудно проскользнуть незамеченным даже одинокому чужаку, а что одиночка может сделать целому племени? С той же стороны, откуда столь остро тянуло опасностью, деревню прикрывали непроходимые топи, кишасшие пиявками, ядовитыми змеями и огромными крокодилами. У единственной, известной лишь некоторым жителям деревни тропы, постоянно дежурили трое воинов, при малейшей опасности бьющие в гигантский там-там. Из всех направлений это было самое безопасное.

Но именно оттуда миг спустя прилетели стрелы.

Глава 2

Ксанка часто бегала сюда, улучая чуть не каждое свободное время. Отчаянная легконогая девчонка всякий раз успевала покрыть немаленькое расстояние и вернуться домой раньше, чем чернильная тьма поглотит золотые отблески скрывшегося за верхушками деревьев солнца. Конечно, пару раз её отсутствие всё же было замечено, но ей удавалось избегать тщательных расспросов, отделавшись какой-нибудь придумкой.

Страшно даже представить, что старшие узнали, куда она бежит на самом деле...

Аккуратно сплетенные лапоточки без стука бойко несли свою десятилетнюю хозяйку сквозь чашу. Здесь не было никакой тропы, но Ксанка отлично помнила дорогу, с самого первого раза, когда, собирая грибы, нечаянно отделилась от остальных детей.

Великаны сосны сменились сумраком и прохладой густого ельника. Среди могучих вековых елей с мрачными лапами густых ветвей росли и молодые весёлые деревца, ярко-зелёные и пушистые. Под ногами запружинил мох, а в воздухе потянуло болотной гнильцой. Отсюда рукой подать было до Глухих топей, мест, куда категорически запрещалось ходить детям, и дело было отнюдь не только в опасности забрести в трясину. Да и не всякий взрослый охотник сунулся бы сюда.

Вот и полянка – небольшая, круглая проплешина среди царства колючей, остро пахнущей хвои. В самом центре – большой валун, как вспучившаяся из-под земли спина сказочного чудовища. Ксанка ловко взобралась по округлому боку и уселась на нагретой за день, широкой, как обеденный стол, верхушке. Провела рукой по сухому лишайнику, густо залепившему поверхность камня. Перевела дух.

Она и сама не могла сказать, почему её тянет сюда. Было ли виной простое детское любопытство и тяга к чудесным приключениям, а, может, влекло ощущение чего-то необычного, прикосновение к настоящей, недоступной для других, тайне? Или дело было в другом?

Под низко нависшими над землёй тяжёлыми ветвями бесшумно скользнула серая тень. Ксанка не могла её видеть – движение произошло за её спиной, но девочка безошибочно повернула голову и радостно позвала:

– Это я! Я здесь! Выходи, киска!

Она всегда ощущала её присутствие, словно мягкая, бархатистая лапа аккуратно гладила кожу между лопаток. Было немного щекотно и очень приятно.

Одним упругим прыжком мантихора выметнулась из сгустившегося под еловыми лапами сумрака и оказалась на валуне рядом с девочкой.

– Моя хорошая!

Тонкие ручонки зарылись в густой мех, такой мягкий и тёплый, что это казалось невозможным. Больше всего мантихора напоминала рысь из лесов дальше на севере – Ксанка видела одну у проезжающих через хутор звероловов. Кошачья морда и лапы, но при этом – короткое тело и высокие ноги, больше подходящие собаке, к тому же ещё и трогательные кисточки на ушах. Однако эта «рысь» размером не уступала их племенному быку Вольке.

Под пушистой шубой перекатывались твёрдые, как камень, но одновременно упругие мышцы. Мантихора, перевернувшись на спину, мурлыкала, словно довольная кошка, и от низкого, басовитого урчания Ксанке казалось, что у неё вибрируют волосы на голове.

Прикасаясь к зверю, она ощущала невероятное блаженство, покой, абсолютную безопасность; словно тёплые струи омывали и пронизывали всё тело, наполняя его силой и лёгкостью.

Играющая с девочкой мантихора была разумным магическим существом. Уже много веков её предки обитали в здешнем лесу на окраинах непроходимых болот. Непроходимыми они казались лишь незнающему человеку, на самом же деле незаметные для непосвящённого

тропы с твёрдым, скальным дном вели к затерянным в трясине островкам. Там обитало Зло, ждущее появления человека.

Тьма знала много путей к завладению человеческой душой, будь то жажда власти либо богатства, честолюбие или обида, несчастная любовь или ненависть. Человек был необходим Тёмной энергии, чтобы вырваться в здешний, светлый мир. И мантихоры не давали людям приближаться к опасному месту.

Вопреки преданиям, они вовсе не были людоедами, предпочитая отпугивать незваных гостей. Однако же, мантихора помнила времена, когда к топям стремились даже не просто случайные путники, а люди, жаждущие встречи с Тёмной энергией, мечтающие увеличить свою силу за её счёт. Жадные, честолюбивые глупцы! Они готовы были на всё, лишь бы исполнить свои желания.

Тогда мантихоре приходилось убивать. Ибо мир и так шатался в пламени магических войн, и очередной толчок в сторону Тьмы мог оказаться последним камешком, обрушивающим беспощадную лавину.

Перевернувшись на живот, мантихора сладко зевнула. В ярко алой пасти сверкнули белизной клыки, способные вмиг сокрушить позвоночник лося. Огромная голова улеглась на колени девочки, которая принялась гладить выпуклый лоб, нашёптывая ласковые слова. От удовольствия жёлтые хищные глаза зажмурились. Из мягких подушечек лапы показывались и прятались острые, как нож, когти, длиной не уступающие пальцам взрослого мужчины. Толстый, упругий хвост, медленно елозил по поверхности валуна. Ксанка знала, что его конец может ошестиниваться чёрными иглами длиной с её руку до локтя и толщиной в палец. Не знала она того, что каждая игла содержала мгновенно убивающий яд, а также того, что взмахом хвоста мантихора могла отправить иглу либо их дюжину в смертоносный полёт, поражая цель на расстоянии в два десятка шагов.

В девочке мантихора чувствовала Силу, которая наверняка превосходила скрывающееся в топях Тёмное зло. Внутри её горел яркий голубой огонёк, тепло которого ощущалось даже на расстоянии. Греться в его лучах было тем приятнее, что уже несколько месяцев мантихора чувствовала несущуюся по нитям мироздания угрозу, могильный холод неотвратимо надвигающейся беды. Зло на болотных островах радостно клубилось, словно грозовые облака в летнем небе. Оно нетерпеливо ждало, зная, что час его близок.

– Мне пора, киска! – Ксанка с сожалением сняла с колен голову смертоносного существа и поднялась на ноги. Мантихора опустила подбородок на валун, глядя на девочку внимательными глазами.

– Я приду, моя хорошая! Пока!

Спрыгнув с валуна, легкая девчоночья фигурка в светлом домотканом платьице мелькнула между елями и исчезла. Мантихора поднялась на ноги одним плавным движением, без малейшего перерыва перетёкшим в длинный прыжок. Чаща пропустила могучее тело, даже не шелохнувшись.

Равнодушные в своем суровом величии ели продолжали выситься вокруг опустевшей поляны.

Глава 3

Людам племени Орла не суждено было узнать о том , что пару часов назад дозор из трёх воинов, охраняющих тропу через болота, услышал из топей человеческий стон. Повинуясь знаку старшего дозора, молодой воин ужом скользнул сквозь высокую траву в направлении шума, а двое оставшихся приготовили луки и стали ждать.

Однако, спустя несколько минут, они увидели, что из болот, шатаясь, выходят два человека – недавно ушедший воин и незнакомец, которого соплеменник буквально тащил на себе. Когда они приблизились, старший дозора с изумлением признал в израненном человеке Чёрного Быка.

Всё его тело было покрыто коркой из грязи и высохшей крови, набедренная повязка превратилась в лохмотья, а из оружия остался лишь один нож. Казалось, он вот-вот потеряет сознание от истощения.

– Мне нужно к Вождю, – тяжело проговорил он, оказавшись в месте расположения дозора, – предупредить. Очень важные вести... Для всего племени Орла!

– Опасность? Нападение? – быстро спросил старший.

– Нет, – обессиленно помотал головой бывший соплеменник, – сейчас непосредственной угрозы нет... Но вести очень важные!

Старший воин бросил взгляд на гигантский барабан, изготовленный из огромного выдолбленного пня, обтянутого звонкими буйволовыми шкурами. Звук, издаваемый тревожным тамтамом разносился на многие мили вокруг. Один удар – и Железный Корень поднимет всё племя по тревоге...

Старший дозора поморщился, представив, как атмосфера весёлого праздника сменяется тревогой и воинским сбором. Ведь непосредственной угрозы нет!

Он принял решение.

– Тиг-тиг, беги в деревню. Сообщи обо всём Железному Корню. Пусть прийдёт воинов с носилками. А ты, Винторог, помоги...

В этот миг глаза Чёрного Быка вспыхнули мрачным торжеством. Выхватив нож, он молниеносно полоснул по горлу сидящего около него Винторога, и, одним прыжком оказавшись у сигнального тамтама, ногой отбросил в сторону вырезанную из дерева дубинку-колотушку.

Старший воин мгновенно понял свою ошибку. На болотной тропе, среди зарослей камыша, замелькали фигуры людей. Не медля, он бросился прямо на предателя, надеясь схватиться с ним и дать возможность Тиг-тигу подать сигнал тревоги.

Он ударил Чёрного Быка всем телом и сбил с ног, но не сумел перехватить его вооружённую руку. Получая удары в спину острым лезвием, он сосредоточился лишь на том, чтобы удержать предателя как можно дольше. Но Тиг-тиг, молоденький воин, не заработавший даже ещё взрослого имени, растерялся. Он схватил лук и стал выцеливать набегающих по тропе чужаков, но затем увидел среди них гигантскую мохнатую фигуру, и растерялся ещё больше. Когда он наконец понял, что надо сделать, и развернулся к барабану, в спину ему вонзились сразу три длинных стрелы с синим оперением.

Чёрный Бык, отбросив в сторону труп старшего дозора, поднялся на ноги. Неподвижно стоя у так и оставшегося немим тамтама, он мрачно смотрел, как по указанной им тропе на берег трясины один за другим выходят воины. В отличии от лесных жителей, все они были высокого роста, кожа – угольно-чёрная, а не каштановая, а волосы образовывали множество мелких колец-кудряшек, причём головы – бриты наголо, оставлена лишь спускающаяся от макушки к затылку полоса волос. У всех – овалы тяжёлые щиты из кожи гиппопотама, за спиной – мощные луки и колчаны со стрелами, на поясах – длинные ножи, а в руках – боевые топоры с трезубыми обухами. Особняком держалась группа странных существ. Их фигуры

напоминали человеческие, но тела сплошь покрыты густой и короткой, блестящей шерстью – чёрной, серой, рыжей, пятнистой. Пальцы пятипалых рук заканчивались когтями, а голова напоминала волка и тигра одновременно. Все они были на две, а то и три головы выше самого рослого воина, и в полтора раза шире в плечах. На поясах набедренных повязок висели короткие широколезвийные мечи и кинжалы.

Вскоре из болота вышло не меньше двух сотен воинов с двумя десятками звероголовых великанов. Перед Чёрным Быком остановился высокий, молодой мужчина с выражением бесшменной жестокости на широком лице с вывороченными ноздрями. На голове его красовался сложный головной убор с четырьмя бычьими рогами – знак военного вождя.

– Я выполнил свою часть договора, – срывающимся от внутреннего напряжения голосом произнёс Чёрный Бык, – выполните теперь и вы свою. Прикажи воинам не трогать молодых девушек, а когда захватите деревню, позвольте мне забрать одну из них, на которую я укажу.

Глубоко сидящие глаза вожака смерили фигуру предателя пронзительным взглядом, и гримаса презрения и отвращения искривила его лицо.

– Великий Король Дракгор, сын Королевской Кобры и Гремучего Змея милостив и справедлив. В столице ты получишь в своё распоряжение любое количество любых шлюх. Что для тебя будет значить одна замарашка из провонявшей болотом и свиньями лесной деревни, когда тебя осыплет милостью сам Дракгор?

Лицо Чёрного Быка посерело, черты заострились, губы подёргивались, словно от боли, но в глазах горела решимость отчаявшегося человека.

– Мне не нужна милость Дракгора, – произнёс он, – мне нужна одна девушка из этой деревни, та, которую укажу я сам.

И без того неприятное лицо вождя скривилось в злобной гримасе.

– Забирай, если найдёшь её живой, – процедил он, – мои воины будут истреблять всех, исполняя волю великого Дракгора. Им некогда будет рассматривать деревенских потаскух, перед тем, как опустить топор.

К вожаку широким шагом подошло звероподобное существо. На его груди висела массивная стальная цепь с медальоном, изображающим клубок переплетённых змей, что, очевидно, указывало на его превосходство перед соплеменниками.

– Что хочет этот человек? – спросил он. Голос, рождённый звериной пастью, звучал странно, но человеческая речь узнавалась без труда.

Вождь улыбнулся, показав крупные белые зубы.

– У него в деревне живёт потаскуха, и он хочет забрать её.

Массивные челюсти страшного чужака ощерились, обнажая острые клыки.

– Оставайся здесь! – согнав с лица улыбку, повелительным тоном произнёс вождь, уперев тяжёлый взгляд в лицо Чёрного Быка. – Жди, если не хочешь смотреть, как подышают твои соплеменники. А я выполню волю своего короля.

Кровь отхлынула от лица предателя, заставив его посереть ещё больше.

– Ты обещал мне, – с отчаянием в голосе проговорил он, – ты обещал мне отдать эту девушку в обмен на тайну тропы! Без меня твои воины стали бы кормом для пиявок!

– Мы – воины Великого Короля Дракгора! – взревел вождь. – С нами – милость Арро, покровителя всех воинов! Мы непобедимы и без помощи предателей, готовых уничтожить весь свой род ради обладания какой-то шлюхой!

Воины, окружающие вождя и Чёрного Быка, согласно зашумели, сжимая кольцо.

– Никто из деревни не должен уйти живым! – возвысил голос вождь. Выдвигаемся немедленно, разведчики – вперёд. Убивайте всех, кто окажется на пути!

– Пошли людей в обход деревни, – прорычал звероподобный гигант, – нужно оцепить её вокруг, чтобы перехватить возможных беглецов.

– Все жители на празднике, как сказал этот, – вождь презрительно кивнул на предателя, – мы упадём на них, как гром с ясного неба. Они будут защищать свои семьи, а не бежать, мы перебьём их быстро.

– И всё же пошли людей в обход! – настаивал гигант.

Вождь недовольно дёрнул головой. Он сознавал правоту совета, ведь Верховный Жрец ясно дал понять, что чрезвычайно важно не упустить ни одного живого человека племени Орла. Однако ему претило, что, отдав приказ об оцеплении, он словно подчинится чужаку и уронит авторитет в глазах своих людей.

– Пошли в обход своих воинов, пусть наблюдают, как мы вырежем этих сельчан! – нагло заявил он.

Гигант оскалил клыки, и, повернувшись, зашагал к своим соплеменникам, расталкивая могучими плечами не успевших посторониться людей. Вождь ухмыльнулся ему в спину.

Чёрный Бык стоял неподвижно, как камень, вперив в лицо вождя безумный взгляд. Что чувствовал он, и о чём думал в этот миг? Раскаялся ли в том, что не сумел смирить гордыню и зависть, ощутил ли муки совести за подставленный под гибельный удар род? Просил ли прощения у вырастивших и воспитавших его людей, у той, о которой грезил бессонными ночами на чужой земле? Или вновь чувствовал лишь обиду и злость за обман и несбывшиеся планы?

Как бы то ни было, племя Орла с детства воспитывало у мальчишек смелость и решимость в бою. И Чёрный Бык умер воином, бросившись на вождя, на прикрывшие его десятки щитов и топоров, и рухнув на преданную им землю предков.

Но обо всём этом не суждено было никогда узнать людям племени Орла.

Глава 4

Здесь было достаточно высоко, чтобы даже летом в воздухе ощущалось дыхание вечных льдов со сверкающих вершин. Трое мужчин, лежащие в засаде, уже успели порядком окочелеть. Солнце уже скрывалось за перевалом, и скальные пики отбрасывали резкие тени.

Все трое были людьми бывалыми и тёртыми, как и трое их спутников, прячущихся ниже, по ту сторону скрытой между скал седловины. Седловины, на поиски которой они угробили три недели. Три недели среди проклятых скал, ночуя под открытым небом, без свежей провизии, вина и баб. Но обещанная плата того стоила, тем более, что и светиться в ближайших деревьях для них стало небезопасным, не говоря уж о походах по городским кабакам и борделям. Стражники были бы рады получить причитающееся за них вознаграждение. Нанимающий их незнакомец об этом, кажется, знал. Ну и чёрт с ним, главное, чтобы обещанные денежки выложил, а уж с ними они найдут способ затеряться. Попадутся в Южное Княжество, там, в лабиринтах и суе припортовых рынков наверняка найдутся нуждающиеся в услугах лихих парней, не боящихся испачкать руки. И ножи.

Червяк покосился на дремлющих напарников и вновь перевёл взгляд на опостылевшую седловину, в выемке которой находилось гнездо грифонов.

Все они, разумеется, знали, что охота на грифонов запрещена Хранящими Башнями. Видишь ли, грифоны – не животные вовсе, а разумные существа, к тому же насквозь волшебные! Дак потому ж и предложили им такую цену, что понадобились перья, кости, когти и клюв, а, главное, кровь грифона какому-то чародею! Видать, не в ладах он со своими дружками с Башни... А им какое дело! За такие-то деньги!..

Куколь заворочался на своём каменном ложе, с проклятьями разминая затёкшее тело.

– Тихо! – цыкнул на него Рыжий. Переполз к Червяку, посмотрел на гнездо – правильный круг, выложенный из камней, в котором, укутанное перьями, шерстью и сухой травой лежало тёмно-серое яйцо величиной с овцу.

– Ну чего? – покосился на дежурного. Как будто не видишь, хотел огрызнуться тоже измученный ожиданием Червяк, но смолчал – главарь и в рыло может, за ним не заржавеет, и лишь пожал плечами.

– М-мать! – с чувством выдохнул Рыжий и повернулся к Куколю:

– Арбалет проверь!

– Чего его проверять, лежит, как лежал, чай, за час не испортился никак! – пробурчал Куколь, но, встретившись с Рыжим глазами, умолк, и потянулся к самострелу. Арбалет, надо сказать, был у них знатный, специальной работы – огромный, тяжёлый, как бревно – умаялись, таская по горам! Взводная ручка – как коловорот колодезный, заряжать втроём надо, а стрелять – вдвоем. Из такого бугая насквозь прошибить можно, ну и грифону, небось, мало не покажется! Этот арбалет им наниматель вручил – безвозмездно, говорит. Что ж, штукovina полезная, а то всё же боязно на грифона просто так выходить – скотина то здоровая! Но ничего, когда сядет в гнездо, они его утихомят стрелой – а стрела, как целое копьё, только покороче, а Грымза, Бобёр и Мурый снизу подскочат да топорами дело и доделают. Главное – побольше крови успеть собрать, на этом наниматель особо настаивал, говорил, каждую каплю отдельно оплачу. Видать, здорово эта кровь в чародейских делах помогает.

– Летит, ё! – прошипел Рыжий, остервенело пихая Червяка в бок локтем, тот вскинулся, вглядываясь в темнеющее небо. Появившаяся на синем фоне точка на глазах росла, превращаясь в грозного хищника. Лучи уходящего за горы солнца вспыхнули алым на рыжем золоте перьев. Крылья, размахом вдвое превосходящие самого большого орла, несли тело громадного льва, увенчанное орлиной же головой с мощным клювом иссиню-стального цвета. Скользя

под перистыми облаками, грифон скрылся с глаз разбойников за нависшим над их убежищем козырьком.

– Сейчас сядет! Давайте, давайте, вашу мать! – заторопил Рыжий, но напарники и сами спешили, устраивая гигантский самострел в заранее оборудованной нише. Рыжий улёгся, прижимая к плечу приклад, Куколь вцепился в цевьё, а Червяк с натугой завращал ручку, натягивая огромный лук. Со щелчком застопорился взводной механизм, и Куколь уложил в ложбинку страшную стрелу.

Грифон вновь появился в небе, он, не снижаясь, выписывал идеально ровный круг. По ушам ударил протяжный, глубокий крик.

– Какого ж ты хрена, курица нещипаная? Садись, садись, падла! – сквозь зубы цедил Рыжий. Все трое пожирали глазами вожделенную добычу, поэтому никто не увидел второго грифона до тех пор, пока он не влетел под скрывающий охотников каменный козырёк прямо за их спинами. Львиные лапы спружинили бесшумно, но хлопок сложенных в последний миг крыльев заставил разбойников обернуться.

Прыжок. Двадцать острых, как кинжалы, когтей и клюв, разрубающий череп горному быку.

Трое разбойников, затаившихся ниже, тоже наблюдали за кружащим в небе грифоном. Сверху не раздалось ни единого крика, но оторванная голова Рыжего, шлёпнувшаяся прямо перед ними, дала понять – что-то пошло не по плану. Отчаянные парни, из охотников вмиг ставшие дичью, с воплями ужаса понеслись вниз по склону. Кружащая в небе грифониха круто спикировала на них, как камень, пущенный из пращи. В мгновение ока окровавленные тела расшвыряло по склону, словно ударом боевого тарана.

Пара грифонов медленно кружила в наливающимся ночной чернотой небе. Уже давно великие маги поняли, что грифонам отведена своя, особая роль в магической картине мира. Кровь, столь ценимую чародеями-отступниками, грифоны отдавали добровольно, сами, вплоть до последней капли, но лишь тогда, когда это было необходимо для спасения мира, когда об этом извещал несущийся по струнам мироздания сигнал беды. Уже давно грифоны были неприкосновенны, и сегодняшняя вылазка глупцов могла бы казаться никчёмной глупостью – но была лишь звеном цепи, затягивающейся мёртвой петлёй на глотке всего земного мира...

Звонкий крик грифонов расколол прозрачный воздух гор, словно стекло, и отзвуки его ещё долго носились между скал...

Глава 5

Этот миг долгие годы будет преследовать Саблезуба в кошмарных снах.

Бирюза стоит перед ним, держа в ладонях прекрасный цветок, на губах всё та же счастливая улыбка – а искристые глаза её тускнеют и становятся мёртвыми, за спиной топорчатся синие перья на длинном древке, и алые капли крови брызжут на перламутровые лепестки из-под праздничного ожерелья, где длинный гранёный наконечник вышел из груди.

Сотня стрел, вылетев из-за недалёкого кустарника, по крутой дуге опустилась прямо на деревенскую площадь.

Десятки убитых и раненых. Кровь, крики ужаса и боли. Пронзённые тела, головы, руки и ноги мужчин, женщин и детей.

Следующая сотня стрел взмыла из-за перелеска спустя миг, оставляя за собой дымные росчерки в синеве безоблачного неба. У самых наконечников древка были обмотаны пропитанными маслом и подожжёнными тряпками, и они вонзились в высохшие за долгие недели палящего летнего зноя деревянные стены и пальмовые крыши хижин.

Но ещё в тот миг, когда стрелы достигли высшей точки траектории, из кустарника с оглушительным боевым кличем вырвались высокие бритоголовые воины, потрясающие топорами с тремя шипами на обухе.

За несколько мгновений праздничная, счастливая деревня превратилась в пылающий, истекающий кровью и ужасом ад.

Железный Корень погиб во время второго залпа – стрела вонзилась ему в затылок как раз в миг, когда он начал выкрикивать распоряжения. Все мужчины племени, кроме немногочисленных дозорных на площадках стен, были вооружены лишь ножами – луки, копьё и палицы хранились под навесами хижин. Чтобы вооружиться и организовать оборону, требовалось время, а оно неумолимо таяло в пламени пылающих домов и торжествующем вое набегающих захватчиков.

Мудрейшая собирает уцелевших детей и женщин на площади, куда не доставали языки бушующего пожара, туда же стягиваются воины. Дозорные со стен мечут короткие копьё в набегающих захватчиков и падают под стрелами, бьющими уже почти по прямой, с опушки леса, где в боевом порядке выстроились вражеские лучники. Чужеземные воины, с разбега отталкиваясь от присевших соратников, перемахивают через частокол, защитить который уже нет никакой возможности, ворота трещат под топорами и со стоном падают внутрь, впуская в деревню ревущую и торжествующую чёрную реку.

Окровавленные топоры взлетают и опускаются, разбрызгивая шипящие в бушующем вокруг пламени красные капли. Падает с разрубленной головой Мудрейшая, пытающаяся вытащить женщину из-под рухнувшего пылающего навеса.

Немногочисленные мужчины окружили на площади группу детей и женщин, готовясь защищать их и неминуемо умирать.

Саблезубу защищать было уже некого.

Очнувшись от оцепенения, он обнаружил себя стоящим на коленях и сжимающим в объятиях мёртвую Бирюзу. Вокруг бушевал огонь и пировала смерть.

Почему обошли его вражеские стрелы, почему миновали кровавые топоры? Позже он думал об этом и не находил ответа.

Вскочив на ноги, он бросился к распахнутым воротам. На ходу выхватил ножи, уклонялся от ревущих, атакующих его врагов, избегал ударов и бил сам. Обагрённый кровью, не зная, своя она или чужая, он выскочил из деревни и на опушке леса увидел группу вражеских воинов, и среди них – высокого мужчину в рогатом головном уборе вождя. Того, кто привёл чужаков, принёс кровь и гибель племени, ставшему для Саблезуба родным. И убил Бирюзу.

Больше ничего не желал сейчас Саблезуб – добраться до него, ощутить, как входят в его плоть клинки ножей. Никогда до этого мгновения он не знал, что такое ненависть.

Пробежать сотню шагов по открытой местности под стрелами врагов и пробиться сквозь дюжину телохранителей невозможно. Саблезубу было плевать на свою жизнь, но он хотел убить вражеского вождя, и лишь потом умереть, поэтому стремглав помчался вдоль стены и нырнул в джунгли. Лес вокруг деревни он знал, как свои пять пальцев. Петляя между кустов, огибая колючие заросли и непроходимые сплетения лиан, Саблезуб по дуге неуклонно приближался к тому месту, где стоял арьергард вражеского войска.

Резкий запах хищника ударил ему в ноздри раньше, чем зрение зафиксировало вынырнувшую из чащи гигантскую фигуру. Над оскаленной звериной пастью сверкнули жёлтые глаза. Саблезуб был сейчас чужд и удивлению, и страху. Звероглав был удивительно быстр для своих внушительных габаритов, однако в тот момент, когда могучая лапа занесла меч, Саблезуб мелькнул в воздухе как молния, и, опережая взмах, ударил в широкую, покрытую густой чёрной шерстью грудь обеими коленями. Гигант опрокинулся на землю, и Саблезуб вонзил один нож в мощный бицепс, а второй – в шею над ключицей. Однако из-за дерева уже набегал другой звероглав. Воин уклонился от взмаха широкого лезвия, но встать не успел. Великан с разбега пнул его коленом, и юноша полетел в кусты. В тот миг, когда он, сгруппировавшись, готовился вскочить на ноги, под ним внезапно раскрылась пустота.

По дну оврага, рассекающего джунгли, как удар гигантского ножа, во время ливней бежал звонкий и пенный ручей, но сейчас он был сух, и обрывистые склоны покрыты густым колючим кустарником. Изорванное ветками тело Саблезуба с размаху ударилось о твёрдую, как камень, землю, и перед глазами его вспыхнули и окутались тьмой искры, синие, как осколки бирюзы.

«Бирюза-а-а...»

Глава 6

Порыв ветра ударил плетью, норовя сорвать с головы капюшон с меховой оторочкой. Жеребец недовольно всхрапнул, мотая головой под тяжёлой гривой.

Амира плотнее запахнула свой дорожный плащ. Уже вовсю начинала зеленеть молодая трава, и древесные почки пахли молодой весной, но ночью лужи ещё схватывались хрустким ледком, а солнце сейчас уже почти село, и здесь, на лесном тракте, ветер гонял, словно в трубе. Чародейка поёжилась и сжала пятками крутые бока жеребца.

– Вперёд, Серый! Догоним обоз, и, может статься, что дальше я поеду на телеге, а ты, лентяй, будешь плестись налегке.

Именно надежда ещё сегодня догнать тяжело гружёный купеческий обоз заставила её пуститься в путь, хотя существовал риск остаться в одиночестве на тракте. Правда, Амира была не просто одинокой путницей, а лучшей боевой чародейкой Третьей Хранящей Башни, и поэтому не особо опасалась ни хищников, ни варнаков, но всё же перспектива мёрзнуть всю ночь под каким-нибудь деревом ей совершенно не улыбалась, тратить же энергию на согревающие заклинания она себе никак не могла позволить. Вся Сила сейчас уходила на то, чтобы не потерять тонкого, как шёлковая нить, зова, который из всех чародеев Башни смог услышать лишь Хранитель и она, Амира. Потому и топтал сейчас лесной тракт её серый в яблоках жеребец, что не откликнуться на зов Голубого Пламени она не могла.

Обоз она догнала, когда полностью стемнело. Бывалый купец остановился не прямо у тракта, а укрылся в лесу. Но зов не дал Амуре проехать мимо. И так, она не ошиблась, и носитель Голубого Пламени, совершенно новой магической энергии, способной спасти или погубить мир, находится в обозе. Найти его нужно во что бы то ни стало, и как можно скорее, пока к нему не нашла подходов Тёмная Сила Иного Мира.

Амира смело направила Серого прямо в кусты. Жеребец заартачился было, не желая понимать, почему нужно лезть в чащу с наезженной дороги, но затем послушно пошёл, петляя между стволами корабельных сосен. Амира отпустила поводья, предоставляя коню самому выбирать дорогу, сосредоточившись на своих внутренних ощущениях. Зов Голубого Пламени усиливался, в этом не было никаких сомнений.

Разумеется, обозники выставили дозорных. Сгусток темноты, возникший впереди, материализовался в двух мужчин. Они не нападали, но копыта держали наизготовку. Амира была уверена, что на неё, к тому же, смотрит из темноты не одна стрела либо арбалетный болт.

– Стой, кто идёт? – спросил грубый голос. Серый сердито фыркнул.

– Я Амира, чародейка Третьей Хранящей Башни. – ответила магичка, натягивая поводья. – Я хотела бы поговорить с хозяином этого обоза, почтенным купцом Тавлатом.

– Сейчас поговоришь, – уже более миролюбиво проговорил тот же голос, – следуй за мной, да смотри, без фокусов, пока мы тебя не рассмотрим как следует. Наши парни метко стреляют и в темноте.

Амира шагом пустила Серого за провожатым. Вскоре деревья расступились, и на их стволах заиграли отблески костра. Обоз расположился на ночлег, выставив телеги по кругу, внутри которого находились тягловые лошади и верховые кони охранников. Здесь же была разбита походная палатка Тавлата, охранники же обычно предпочитали спать прямо под телегами, завернувшись в одеяла.

Предупреждённый Тавлат вышел встречать гостью и лично помог ей встать с лошади. Он был невысок и хорошо сложен, полнота лишь начала намечаться в его фигуре, как и седина в густой русой бороде. Глаза смотрели прямо и открыто, но, в то же время, слегка оценивающе – вьёвшаяся в кровь привычка купца. Шагнув к костру, Амира скинула капюшон и тряхнула головой. Каштановые волосы, не стеснённые платком либо другим головным убором,

свободно заструились по спине и плечам – знак свободной женщины, который позволяли себе лишь чародейки и воительницы... ну, и проститутки. Чародейка распахнула плащ, чтобы стал хорошо виден знак Третьей Хранящей Башни – нагрудный медальон белого золота с бриллиантами.

– Прошу к костру, госпожа чародейка, – почтительно поклонился Тавлат. – Не спрашиваю о причине, заставившей тебя в одиночестве подвергаться опасностям ночного тракта, так как без сомнения, она достаточно веская. Раздели с нами скромный походный ужин и заночуй под защитой моих молодцов, палатку тебе сейчас поставят. А уж поутру можешь либо ехать с нами, либо продолжать путь в одиночестве – как пожелаешь. Осмелюсь лишь заметить, что нынче в здешних местах небезопасно. В округе орудует разбойничья ватага Варравы, не дающая пощады ни детям, ни женщинам, ни старикам.

– Причины, толкнувшие меня на это путешествие, действительно серьёзные, – согласилась Амира, – однако же я вполне способна постоять за себя, любезный Тавлат. Тем не менее, с радостью приму твоё предложение об ужине и ночлеге.

– Не сомневаюсь в силе твоего искусства, госпожа, – склонил голову Тавлат, – но шайка Варравы особо многочисленна и люта. Кроме того, ходят упорные слухи, что он колдун.

Амира удивлённо и недоверчиво приподняла брови.

– Я не хочу сказать, что он имеет какое-либо отношение к Хранящей Башне, – поспешил пояснить Тавлат, – однако же, дыма без огня не бывает, и слухи, судя по всему, не совсем беспочвенны. Очевидно, Варрава обладает некоторым предметом, в котором заключена волшебная сила, помогающая ему сокрушать в битвах даже отряды обученных княжеских ратников.

Это могло быть правдой. Старинные артефакты, способные копить и выбрасывать магическую энергию, время от времени всплывали то там, то там. Чародеи Башен прилагали, разумеется, все усилия, чтобы прибрать их к себе, ведь находясь в руках человека, обладающего природными зачатками магических способностей, они многократно увеличивали силу и далеко не всегда использовались во благо. Так что информация, несомненно, заслуживала внимания и дальнейшего изучения. Но этим займутся другие маги, её же первостепенная задача – Голубое Пламя.

Амире нестерпимо хотелось уединиться и активировать поисковый амулет, однако уже подавали ужин. Тавлат обычно ел вместе со своими людьми, прямо на разложенных по земле шкурах, но сегодня для него и гости выставили низенький походный столик с обитыми мехом стульчиками.

Кашевары сварили густую ячменную похлёбку, щедро сдобренную солониной, раздали толстые ломти хлеба и сушёную рыбу. По кругу пошёл жбан с пивом. На столике Тавлата и Амиры, кроме того, стояли тарелки с тонко нарезанным копчёным мясом, острым сыром и изюмом. Купец разлил в тяжёлые бокалы тёмное вино из оплетённой лозой бутылки, Амира узнала тонкий аромат южного «Солнца степи». Она почти не ощущала вкуса пищи, её взгляд скользил по лицам охранников. Все – крепкие мужчины, обветренные лица заросли густыми бородами, грубые сильные руки уверенно обращаются как с копьём, так и с молотком, с одинаковой сноровкой способны метко бить из самострела и чинить сломанное колесо. Простые, надёжные люди. В ком же из них зажглось Голубое Пламя невиданной доселе Силы? Ведь не исключено, что сам носитель ещё не ощутил в себе никаких изменений, а если что-то и чувствует, то не понимает, что происходит. Скорее бы активировать амулет, он точно локализует источник! Но не разделить с гостеприимным хозяином трапезу, не поддержать вежливую беседу нельзя – на тракте такое поведение наверняка показалось бы странным, а значит, вполне возможно, и опасным.

– Как проходит нынче твоя торговля, почтенный Тавлат, – пригубив вино, спросила чародейка, – удачны ли сделки, честны ли компаньоны?

– Благодарение Светлому, жаловаться мне не на что, – отвечал купец, – торговля пока удачна. Я не претендую на сверхбарыши. Скупаю у здешних лесных племён меха и мёд, отвожу их в Восточное Княжество, где загружаюсь всевозможными железными поделками тамошних мастеров, которые вновь продаю на торгах уже у нас, в Северном Княестве. Сейчас как раз держу путь от Железных гор в нашу столицу. Обоз загрузил как никогда, потому и охранников взял чуть не вдвое больше обычного. Однако все – если не проверенные мной лично, так рекомендованные моими хорошими знакомыми, так что опасаться разбойничьего подсыла вроде бы не приходится, хотя всё – в руках Пресветлого.

Купец замолчал, медленно отпил вина. Амира почувствовала, что он хочет о чём-то спросить, но отчего-то колеблется. Однако в этот миг Тавлат решился.

– Я хотел бы попросить тебя, госпожа чародейка, – начал он, – взглянуть на одну девочку. Нет, нет, – поспешно произнёс он, и даже поднял кверху руки, – она – не из моего обоза. Два дня назад мои охранники, проверяя дорогу, нашли её в лесу. Девчонке – лет десять, одета в лёгкое платье, да и то – сплошное рваньё... Судя по виду, блуждала по лесу уже несколько суток, как не околела от холода и голода да не попалась хищнику – Пресветлому ведомо. Сначала кусалась и царапалась, как рысёнок, потом вроде притихла и успокоилась. Мы её одели, отогрели и накормили, но вот говорить она не хочет, сидит, сжавшись в комочек... Видно что-то страшное с ней случилось... ну, и с теми, кто с ней был.

– Да она, судя по одежке, не из лесных охотников, а из хуторских, которые бортничают да скот разводят. – подал голос самый старший из охранников, мужик лет пятидесяти. – В аккурат два дня назад, когда мы её подобрали, поутру ветерок запах гари доносил. Видать, сожгли разбойники хутор то её, родные погибли, а она как-то вырвалась... Вот и повредилось чего-то в душе.

– Я, конечно, вижу по знаку, что ты не целительница, госпожа Амира, – вновь заговорил Тавлат, – но, может, всё же глянешь на девочку, вдруг сможешь чем помочь... Не сомневайся, я всё оплачу, жалко всё же... У меня дочка младшая таких же годков...

– Я действительно не целительница, – улыбнулась Амира, – моя специальность – боевая магия, однако, кое-что я могу и во врачевании. Разумеется, я посмотрю девочку. И не говори мне об оплате, уважаемый Тавлат. Мы на тракте, здесь отказать в посильной помощи – смертный грех. Ты же не станешь требовать с меня плату за ужин и ночлег? Ну вот. А сейчас, покажите мне свою находку.

Глава 7

– Ну, рассказывай! – пробасил Воллаг, разливая по высоким оловянным кубкам густое вино и морщась от боли – проклятый зуб давал о себе знать, несмотря на усилия знахарки из ближайшей деревеньки. – Что нового в мире?

– Что там может быть нового? – отмахнулся Крэгг, поднимая кубок. – Куда он денется, твой мир? Это лишь отсюда тебе кажется, что, мол, жизнь в столице кипит, и всё такое, а на самом деле – та же скука. Служба есть служба, и простым служакам, вроде нас, не много найдется в ней места для развлечений. У высокородных витязей – может быть, а у таких, как мы с тобой, простых сотников, достигших своего положения исключительно горбом и пролитой кровью – увы! Ну, разумеется, в городе во время увольнительных можно кутнуть в кабаке, забежать в недорогой бордель или сыскать стоворчивую девчонку из порядочных – да и только. Но, думается мне, у тебя здесь и пиво местные китобои гонят не хуже, и бабёнки в их деревнях поадрёней – есть кого утешать, пока мужья болтаются в море, а?

– Местные китобои пьют не столько пиво, сколько прозрачное вино такой крепости, что оно горит, как смола, да и по вкусу немногим лучше, – хмыкнул Воллаг, чокаясь с собеседником, – а что до их женщин, то попадаютя вполне себе ничего, и поразвлекься некоторые не прочь – вот только их мужья, женихи, отцы и братья имеют скверную привычку чуть-что хвататься за тесаки. Нам же, как понимаешь, обижать вверенных нашей защите людей – себе дороже. За настраивание дружественных племён против князя можно не только в подвал, но и на перекладину загромить.

– Да от кого их тут защищать-то? – хмыкнул Крэгг, отхлебнув изрядную порцию вина и вытерев усы тыльной стороной ладони. – Северные пираты, хвала Светлому, уже лет двадцать, как успокоились.

Воллаг тоже приложился к кубку, в очередной раз сморщившись от острой боли в левом кореннике. Так-то так, Четыре Княжества заключили мир с вождями-ярлами самых крупных кланов северных пиратов, проживающих на островах в глубинах Льдистого моря, однако же, по тамошним исконным обычаям, для мужчины высшего рода единственным приемлемым родом занятий является война. Это низшие работают в полях и выращивают скотину, для высокородных же путь воина – единственный путь, освящённый заветами предков. Поэтому воевать друг с дружкой они не прекращали вообще никогда, а их воины частенько шли наёмниками к трём Великим Князьям во времена смуты и бунтов.

Воллаг потёр челюсть и задумчиво отпил ещё вина. Он сам пришёл на службу в княжескую рать в те времена. Сотником он стал двенадцать лет назад, а десять лет до того, и два года после провёл в тяжёлых походах и боях, сражаясь со свирепыми племенами диких горцев, охраняя границу от набегов кочевников, усмиряя бунты приозёрных племён или гоняясь за вольными ватагами степных разбойников. Да, последние несколько лет служба могла показаться рутинной – но, видит Пресветлый, ему вовсе не хотелось бы вновь менять эту рутину на битвы и походы.

Шесть месяцев он со своей сотней провёл в далёком северном гарнизоне – крепости в одну башню, являющейся представительством и оплотом князя в этих суровых краях воющих ветров и грохочущего прибоя. Здешние племена промышляли морского зверя, власть Северного Княжества признали сравнительно недавно и, видят боги, тоже не без убеждения княжеских ратников! Однако сейчас они исправно платили сборщикам положенную долю моржовых костей, тюленьих шкур и китового жира, поэтому, как всякие добропорядочные подданные, имели право на защиту князя от набегов извечных врагов – северных пиратов. Для этого и поставлена была крепость-башня, и раз в полгода новая сотня сменяла одуревших от холода и скуки предшественников.

Сотня Крэгга прибыла сегодня далеко за полночь – он предпочёл идти ночью и отдохнуть уже под крышей, нежели трястись до утра на продуваемой всеми ветрами равнине. Сейчас его люди уже отдыхали, а он со старым знакомым Воллагом распивал вино, готовясь поутру принимать командование крепостью.

– Выпьем за то, чтобы и мой срок пролетел быстро и незаметно, и все мои воины через полгода в полном составе отправились домой, как завтра отправятся твои! – словно прочитав мысли Воллага поднял кубок Крэгг.

В таких случаях принято ссылаться на волю Пресветлого, но Крэгг этого не сделал. Позже, вскакивая по тревоге в седло, Воллаг мельком подумал, не из-за этого ли всё так и получилось?

– Надо признать, – ставя на стол опустевший кубок, заговорил Крэгг, – в мире в последнее время всё не так уж спокойно. Ходят слухи о том, что племена Большой Степи вновь всюю потрошат караваны княжеств, шарпают приграничные деревни и не дают расслабиться рыцарям Междуречья.

– Да так было всегда, – махнул рукой Воллаг и потянулся к кувшину с вином, – несмотря на мир с великим ханом, он никогда не стремился обуздать мелкие племена. На границе с Большой Степью никогда не скучно, уж ты-то знаешь! А купцы, отправляющиеся туда с обозами, отлично знают, чем рискуют.

– Ты прав, – покачал головой Крэгг, – однако уже давно ни одно племя кочевников не смело тронуть караваны, принадлежащие самим Четырём Княжествам, рискуя навлечь на себя гнев хана. А я слышал, что не далее, как неделю назад, крупный княжеский обоз раздолбали в пух и прах прямо на виду у Междуречьянской заставы!

Воллаг присвистнул.

– Да уж, – кивнул Крэгг, – но это не всё. Ходят упорные слухи, что Великий Хан собирает в глубине степей значительные силы, и, вполне возможно, мир со Степным Ханством скоро прикажет долго жить!

Воллаг молча отпил вина.

– К тому же, это не единственная угроза, – продолжал Крэгг, – вылазки диких горцев, которые и до этого никогда не прекращались, в последнее время стали настолько частыми, что гарнизоны форпостов у Чёрных гор увеличены едва ли не вдвое! И уже было несколько случаев бунтов племён озерных рыбаков и добытчиков соли – пусть небольших и быстро подавленных, но ведь это впервые после времён смуты!

Воллаг, кривясь от боли, остервенело почесал бороду. Новости действительно были не ахти.

– Но самое главное, – понизил голос Крэгг, наклоняясь вперёд, – я из достоверного источника знаю, что красноглазы прекратили с Княжеством торговлю.

Воллаг в изумлении откинулся на спинку стула. Вот уж чего не случилось не на всей его памяти!

Красноглазы были очень загадочной нечеловеческой расой, обитающей под Чёрными горами. Ходили сказки, что у них под землёй – целая страна с замками, крепостями и даже городами. Невысокие, покрытые серой шерстью человекоподобные существа со злыми алыми глазами на поверхности появлялись чрезвычайно редко. Их изделия из металла, будь то оружие, инструменты или украшения, не имели равных среди человеческих мастеров. Но ещё сто лет назад купить либо выменять у них хоть что-либо было практически невозможно – красноглазов решительно не интересовало ни золото, ни произведения человеческих рук.

Поговаривали, что красноглазы поклоняются живущим в глубинах подземелий тёмным демонам древнего мира, которые даруют им власть над металлом в обмен на кровавые жертвы. В пользу этой версии говорило также и то, что когда-то давно красноглазы были не раз уличены в похищениях людей, особенно детишек. Люди стали уничтожать красноглазов, едва завидя их

на поверхности. Были попытки отрядить в подземелья Чёрных гор войска – но сотни воинов сгинули бесследно, словно растворившись в каменной толще.

И вот, несколько десятилетий назад, Северному Княжеству удалось наладить с красноглазыми контакт. Вернее, красноглазы сами установили с княжеством торговые отношения. Изделия красноглазов на рынках людей оставались баснословно дорогими, а вот сами красноглазы за них по-прежнему не брали ни денег, ни товара. Они передали людям несколько удивительных шаров – с виду цельностальных, но удивительно лёгких и никогда не теряющих зеркальный блеск. Их невозможно было ни разбить, ни поцарапать. Под охраной ратников, княжеские посыльные объезжали нищенские районы больших городов, а также деревни и отдалённые племена. Чтобы получить двадцать серебряных монет – стоимость хорошего коня – требовалось всего лишь положить на шар обе ладони и подержать, пока сердце не ударит двадцать раз. Ни для кого не было секретом, что заработавший таким образом следующие полгода был очень подвержен заболеваниям, некоторые даже умирали; тем не менее, желающие находились всегда. Шары, к которым касалось три сотни человек, отвозили к Чёрным горам и отдавали красноглазам, получая взамен их дивные поделки.

Говорили, что забранной у людей жизненной силой красноглазы кормили своих демонов, найдя таким способом замену жертвам. Как бы то ни было, прекращение торговли не могло означать ничего хорошего, особенно в свете остальных беспокойных событий.

– А в южных морях бесследно начали пропадать корабли, – решил, видимо, окончательно нагнать на собеседника страху Крэгг, – и, говорят, это работа чернокожих пиратов с далёких островов!

Воллаг поднял кубок, но выпить не успел. За дверью раздался топот, затем в неё забарабанили кулаком и на пороге возник запыхавшийся ратник.

– Тревога, господин сотник! – выпалил он. – Загорелся сигнальный огонь на башне в Балдаке!

Сотники замерли, не донся до рта посуду с вином. Сигнальные башни были построены в каждой деревне морских охотников, хворост на них поджигали при нападении пиратов! За все шесть месяцев не было ни одного сигнала... проклятье!

– Гарнизон, к бою! – взревел Воллаг, ощутив, как раскалённая игла от зуба пронзила челюсть и достала до самых мозгов. – Пиггана ко мне, десятникам собрать людей! Живо, сучьи дети, живо!

С проклятиями он сорвал со стены меховую куртку – одевать кольчугу на прямо на рубаху, когда брызги морских волн едва не замерзают на лету, то ещё удовольствие.

– Что мне делать? – быстро спросил Крэгг.

– Поднимай своих людей, останешься с ними охранять крепость, – ответил Воллаг, подпоясываясь мечом, – может, даст Светлый, это какая-то ошибка!

На ходу затягивая ремень шлема, он сбежал по лестнице во двор. Ратники уже садились в сёдла низкорослых лошадей, люди были хмурые, но спокойные – почти все ветераны, прошедшие кровавые рубки с кочевниками, горцами и разбойниками-степняками. Собралась вся сотня – благо, нынче было на кого оставить крепость.

– Вперёд, сучьи дети! – крикнул Воллаг, оказавшись в седле и бросив на руку круглый щит. – Посмотрим, что там за хрень такая, и накажем шутников, не давших нам спокойно поспать последнюю ночь в этом проклятом гарнизоне! Да поживее, нам ещё домой собираться!

«Твою мать!» – подумал Воллаг полчаса спустя, когда сотня вырвалась на побережье, и он увидел на волнах два драконоголовых корабля северных пиратов. Неглубокая осадка позволила им подойти к самому берегу, безошибочно угадав самое глубокое место – море сейчас было спокойным, и почти все мужчины береговых племён находились в море. Пираты успешно подгадали время для нападения – к утру их и след бы простыл. Корабли принесли не меньше полусотни воинов, а, может, и все семьдесят, большая их часть – в деревне, откуда даже сквозь

порывы злого ветра доносятся крики и лязг стали. Морские охотники – народ суровый, за топорами и тесаками далеко ходить не станут, но мужиков в деревне мало, и никак не совладать им с закалёнными рубками, для которых война и грабёж – основное ремесло.

– Пигган! – рявкнул сотник своему заместителю. – Я с первой и второй десяткой – к морю, а ты с остальными – в деревню! Заставьте их отступать к кораблям, а я позабочусь, чтобы здесь их ждал большой сюрприз!

Во главе двадцати ратников Воллаг помчался к морю. Полная луна бросала бледный свет сквозь изорванные ветром тучи, привычные лошади цеплялись шипастыми подковами за обледенелые камни и гальку. Вот и охрана – из-за прибрежных валунов высыпала дюжина воинов в чешуйчатых бронях, вооружённая длинными двуручными мечами и тяжёлыми секирами, с волосами, развевающимися на ветру – в обычае северных пиратов было ходить в бой с непокрытой головой.

– За князя! – заорал Воллаг, ловчее перехватывая копьё и пришпоривая свою кобылу. Ратники подхватили боевой клич, стремительно накатываясь на рассредоточивающихся врагов.

«Твою мать, – вновь подумал сотник, выделив взглядом «своего» противника, – ну почему именно сегодня, а?»

Рослый, как все северяне, воин присел на полусогнутых ногах, ожидая Воллага. Сотник заметил, как он держит двуручник – хочет уйти от копья и рубануть коня по ногам, таким мечом очень даже может и сразу обе отсечь. Воллаг держал копьё прижатым к боку, для таранного удара с наскоку, но, в пяти шагах от врага метнул его прямо из этого, абсолютно неудобного для броска положения – просто толкнул вперёд. Разумеется, никакой силы этот бросок в себе не нёс, попади он в броню, враг бы и не почесался, но Воллаг целил в лицо, и не ожидающий такого северянин не успел полностью отдёргнуть голову. Копьё вспоролу ему щёку и рассекло пополам ухо. Воллаг, чуть поворачивая коня, как раз успел выхватить из ножен меч, чтобы на скаку опустить клинок на рыжую макушку.

С лязгом стали, руганью и криками княжеские ратники сшиблись с пиратами. Воллаг увидел, как рухнул срубленный с седла двухлезвийной двуручной секирой десятник.

«Твою мать!» – в третий раз подумал сотник, когда такая же секира почти снесла голову его кобыле. Он успел выдернуть ноги из стремян, но, уже спрыгнув, споткнулся и смачно врезался лицом в мёрзлую гальку. Вскочил, трясая головой и отплёвываясь, развернулся на месте, ударом щита отводя мелькнувшую вновь секиру, и с размаха рубанул пирата по колену, сразу под бронёй.

«Надо будет всё-таки вырвать проклятый зуб!» – подумал он, нанеся тяжёлым сапогом удар в лицо рухнувшего врага.

Глава 8

Бледный серпик молодой луны, мелькающий между туч, почти не давал света, тем более в лесу, где тьма сгущалась под кронами деревьев вовсе уж непроницаемым шатром. Мужчина, идущий по едва заметной тропке между ежевичных кустов, всю жизнь был горожанином, и, хотя для этой прогулки оделся по-походному, дышал тяжело и с присвистом, кряхтел, то и дело оступался, сбивался с тропы, чертыхался, цепляясь одеждой за ветки, и тут же испуганно замирал, вслушиваясь в чужие и непонятные шумы ночного леса. По спине струился липкий пот, и не только от непривычного трудного пути. Мужчина боялся, и кинжал на поясе, рукоять которого он время от времени нашаривал влажной, трясущейся рукой, не прибавлял ему уверенности. Уже несколько раз он готов был бросить затею и бежать по тропинке назад, к утоптанной лесной дороге, на которой с лошадьми остались трое вооружённых слуг, однако каждый раз ревность, ненависть и жажда мести перевешивали страх, и он продолжал путь.

Наконец, тропинка вывела его на крошечную полянку, окружённую чёрными в ночную пору мохнатыми ёлками. Вот она, его цель.

Посреди полянки возвышалась сложенная из природного, не тронутого инструментом камня пирамидка чуть ниже человеческого роста, на плоской вершине которой стоял потемневший от дождей и ветра грубый деревянный крест с железными наконечниками. На кресте было распято высохшее чучело крупной, раскинувшей крылья летучей мыши, у подножия скалил зубы под пустыми провалами глазниц человеческий череп.

Странно, но вездесущие мелкие лесные хищники не потревожили ни костей, ни чучела. На этой полянке даже далёкий вой одинокого волка и уханье филинов смолкли, словно жутковатый алтарь существовал сам по себе, отдельно от окружающей его природы.

Едва переступая ватными ногами, мужчина приблизился, и, обойдя вокруг пирамиды, присел около плоского камня у её подножия. Оглянулся – тьма словно смотрела на него острыми взведённых самострелов и оскаленными пастями. Вздвогнув, мужчина начал было бормотать молитву – и осёкся, вспомнив, в каком месте и почему находится. Дрожащими руками он достал из-за пазухи заготовленный дома тяжёлый кожаный кошель, добротный, с двойными швами, не пропускающими даже воду. Звякнули золотые монеты, но, кроме золота, в кошеле лежал ещё и клочок бумаги, с несколькими словами. Именем человека, которого ночной путник решил обречь на неминуемую смерть.

Кошель лёг на камень. Несколько минут мужчина, стоя на коленях, вслушивался в тишину. Ему казалось, что темнота стала ещё гуще, и из окружающего леса слышится азартное и жаркое дыхание хищников. Стряхнув оцепенение, он вскочил, и бросился по тропинке назад.

Такие пирамиды возвышались в уединённых местах, в лесах, горах и пустынях по всех странах мира. Некоторые правители пытались уничтожить их – но все они умерли, причём умерли неважно. С тех пор никто не трогал проклятых пирамид.

Они принадлежали Несущим Смерть. В чащах самых глухих лесов скрывались их злоеющие храмы, в которых проходили подготовку смертоносные воины. Тысячелетиями хранимое и совершенствующееся искусство отнятия жизни становилось для них единственной целью. Смерть они считали высшим благом, а своим высоким предназначением – нести это благо людям. Они не сражались в честных поединках, нет – мастера молниеносных, ювелирно-точечных ударов, гении грима и маскировки, специалисты по проникновению и исчезновению, знатоки ядов и владельцы уникального оружия и приспособлений, они били неожиданно, коварно и неотвратимо. Возжелавшему чьей-либо смерти достаточно было оставить у жуткой пирамиды записку с его именем и оплату, а затем прийти сюда на следующую ночь. Если кошелек исчезал – недруга можно было считать покойником. Иногда в кошельке оказывалось несколько камней – они указывали, во сколько раз следует увеличить оплату. Принимать золото и выпол-

нять заказ Несущие смерть отказывались крайне редко, по причинам, ведомым лишь их верховным жрецам. Ни личность жертвы, ни пол, ни возраст, ни общественное положение не играли для них никакой роли. Ходили, правда, слухи, что Несущие Смерть покушаются на одного человека не более трёх раз, после третьей же неудачи – отступают навсегда и возвращают плату, но на деле никто не мог назвать живого очевидца, трижды выжившего при нападениях этих зловещих убийц.

Мужчина, спотыкаясь, спешил к своим слугам, желая лишь одного – поскорее очутиться в седле, доскакать до постоянного двора и крепко выпить, чтобы отступил пережитый страх. Иногда в сознании всплывало лицо человека, чьё имя осталось лежать у лесного алтаря, но он гнал его прочь, распаляя собственную ненависть. Скоро о нём можно будет забыть навсегда, правда, завтра придётся повторить ночное путешествие, но это ничего, он справится, и даже при нужде втрое увеличит сумму оплаты.

Давно уже не находилось глупцов, желающих подсмотреть за тем, кто забирает кровавые заказы, или, тем более, стащить оставленное золото – ужасные истории, описывающие их гибель, выходили за все рамки жестокости.

Кожаный кошелек с золотыми монетами и клочком бумаги лежал на плоском камне под замшелой пирамидой. По-прежнему скалил щербатые зубы череп на её вершине, и топорщила в лунном свете крылья летучая мышь на кресте...

Глава 9

Ксанка забила в угол палатки, исподлобья следя за незнакомкой. Женщина, представившаяся Амирой, являла собою, на её неискушённый взгляд, настоящий идеал красоты. Она привела её в палатку, пригласила сесть и, казалось, перестала обращать внимание, полностью погрузившись в странное действо. Села на устилавшую пол шкуру, скрестив ноги, перед собой поставила широкую, наполненную водой чашу. В воду бросила горсть разноцветных камешков из кожаного кисета, зажгла две белые свечи и установила их в металлические блюда, которые взяла в руки и опустила тыльные стороны ладоней на колени. Закрыла глаза и мерно закачалась из стороны в сторону.

Ксанка следила за ней большими фиалковыми глазами. Папа говорил, что глаза у неё точь-в-точь мамины. Папа... Мама... Где они? Что?..

При попытке вспомнить, словно ледяные ножи вонзились в грудь, обрезаая дыхание и выжимая слёзы. Нет... Не хочу!

Ксанка не сразу поняла, что волшебница (а девочка смекнула, кто она такая, хоть и не видела никого из магов раньше) уже не молчит, а тихо и монотонно произносит под нос то ли стихи, то ли молитву. Медальон на её груди начал излучать слабый свет.

Когда Амира увидела девочку, всякая надобность в поисковом амулете отпала. Голубое Пламя горело у малышки внутри маленьким, твёрдым, как алмаз, огоньком. Но вот что странно: в девочке не ощущалось никакой магической силы. К тому же аура ребёнка напомнила Амире искорёженную ударами молота железную клетку: она вроде бы закрывала девочку, пытаясь от чего-то защитить, спасти, но на самом деле душила её в своих объятиях.

«С ней случилось что-то очень страшное, – думала Амира, – что-то, чего она не может или не хочет вспоминать. Но случившееся живёт в ней, выжигает изнутри. Ей надо осознать случившееся, смириться с ним, главное же – примириться с собой. Похоже, она считает себя в чём-то виноватой, боится всего вокруг, но больше всего – себя, боится повторении кошмара. И она – источник Голубого Пламени. Здесь не помешала бы помощь Зиды, лучшей врачевательницы Башни, но ждать опасно. Я должна помочь девочке, пока она не перегорела, как лучинка.»

Странные действия Амиры привлекли внимание девочки, впервые выведя её из состояния внутреннего оцепенения. Амира почувствовала протянувшуюся от неё нить заинтересованности. Достигнув нужного предела, магичка умолкла, и в тот же миг резко погасли обе свечи. Внутренность палатки окутала глубокая тьма, Амира заранее позаботилась, чтобы снаружи не проникали даже отблески догорающих углей костра. Ксанка дышала часто-часто, как испуганный зверёк. Она ничего не видела вокруг, кроме бледного пятна медальона на груди волшебницы.

– Подойти ко мне, девочка, – голос Амиры был очень мягким, но противится ему оказалось почему-то невозможно, – не бойся, иди!

Ксанка на коленях неуклюже подползла к чародейке, которая положила пальцы ей на виски.

– Смотри в воду, дитя, – сказала Амира, – и помни – ты не одна, я с тобой. Мы переживём это вместе. Я помогу!

...Динь!..Динь!..Динь!..

Это колокольчик на шее Белобочки, папиной любимицы. Из-под неё он всех тёлочек оставляет в молочное стадо, и они лишь немногим уступают маме в удоистности и качестве молока. Ах, какие сыр, сметану и масло делает мама! Торговцы регулярно навещают в их лесной хутор и дают цену, почти не торгуясь, зная, что на городских торгах товар уйдёт одним духом, принеся хорошую прибыль.

День!.. День!... Яркая зелень сочной травы. Яркое голубое небо. Мохнатый бок пса у колена. Мир.

... В печи потрескивают дрова. Отец чинит домашние инструменты, сидя на лавке, мать отряхивает от муки руки и улыбается, на коленях мурлычет кот. По обмёрзшему стеклу шелестит снежная крошка, а в доме тепло, и вкусно пахнет свежим хлебом. Спокойствие.

...Отец сидит на крыльце. Дудочка кажется игрушкой в его огрубевших от работы руках, но заскорузлые пальцы перебегают по отверстиям неожиданно ловко и чутко. Переливы незатейливой, но приятной мелодии взлетают к небу, плывут над хуторком и вершинами деревьев. Мама усаживается на лавочку под стеной и обнимает Ксанку. Тепло маминых рук. Счастье.

...День-день-день-день!!!

Захлёбывается колокольчик на шее Белобочки, которая бешеным галопом несётся по двору. Пламя пляшет над крышами, из разбитых ворот сарая вырывается обезумевший, обгоревший скот. Удар тесака открывает на шее Белобочки широкую рану, корова падает, неловко подвернув голову, кровь летит веером. Чужие всадники бесами мечутся по двору, а пешие разбойники ныряют в постройки, тащат вещи, хватают эсеницин и детей.

Крик! Крик! Вопят и улюлюкают разбойники, кричит двоюродная сестра Ксанки Олеся, которую волокут за волосы по земле, кричит брат отца, дядя Егорша, прибитый копьем к стене сарая. Визжит под ударами ножа, давиться чужой и своей кровью сцепившийся в ногу разбойника кобель Бровко. Кричит и хрипит от ярости отец, размахивая топором; уже третий разбойник валится к его ногам, и в спину отцу бьёт короткая арбалетная стрела. Кричит мать, сжимая в руках вилы и заслоняя Ксанку.

– Ксанка, беги! Бе-е-ги-и-и!!!

Страх! Чужие, грубые пальцы в волосах, разрывающие одежду, грубо шарящие по телу. Вонь чужого пота и запах крови. Страх! И – что?.. Что?!!

Ужасный огненный смерч – всполохи пламени вздымаются вверх, закручиваясь гигантской воронкой, в центре которой – она, Ксанка! Летящие в воздух тела людей, объятые огнём, мгновенно обугливающиеся и разлетающиеся серой золой. Все – и разбойники, и... Нет! Не-е-ет!!! Папа! Ма-а-а!

– Я не хочу! Не хочу!

Ксанке казалось, что она кричит изо всех сил, но на самом деле с губ срывался лишь прерывистый шёпот.

– Ты ни в чём не виновата, девочка моя, – тихо, но удивительно чётко звучал голос Амиры, и Ксанка понимала, что верит ей, – ты убила разбойников, людей, которые уничтожили твой дом и всех твоих близких. Отец, мать и другие хуторяне были уже мертвы либо обречены. За мёртвых ты отомстила, живых спасла от бесчестья и боли, за которыми всё равно пришла бы смерть. Плачь, девочка, плачь!

Впервые с того страшного дня крупные слёзы полились из глаз Ксанки. Амира обхватила её руками, и они сидели, крепко прижавшись друг к другу в темноте палатки. Ксанка плакала, и чувствовала, как покидает тело и душу свинцовая тяжесть. Нет, боль утраты не исчезла – просто стала другой, и словно спала пелена, душущая разум и волю к жизни.

– Твои отец и мать погибли, защищая тебя, до последнего надеясь, что ты спасёшься и будешь жить, – вновь заговорила Амира, – живи же, Ксанка, живи! Ты всегда будешь помнить своих родных, но жизнь должна в конечном счёте всегда побеждать смерть, и ты победишь. Я помогу тебе, Ксанка, доверься мне. Поверь, со мной ты никогда не будешь чувствовать себя одиноко!

Глава 10

Помещение было широким, и для такой площади потолок казался явно низковатым. Обширный зал был, по сути, вырубленной в скале пещерой с весьма грубо обтёсанными стенами, полом и потолком. Нависающий со всех сторон серый, ребристый и шербатый камень любому случайному человеку обязательно давил бы на психику, действуя угнетающе и вызывая клаустрофобию. Но случайные люди сюда не заходили никогда.

Два десятка юношей сидели на пятках прямо на полу, словно не ощущая врезающихся в колени неровностей камня. Вход в пещеру закрывала массивная железная дверь, и источником света служили лишь слабые огни в расставленных вдоль стен бронзовых жаровнях, над которыми на цепях висели тяжёлые каменные чаши. Удушливый, словно забивающий ватой голову аромат тлеющих в них трав и специальных ингредиентов плотно заполнял весь зал. Человек, сидящий со скрещёнными ногами на каменном кубе в торце помещения, почти касался потолка воздетыми кверху руками. Он был обнажён до пояса и выкрашен в густо-чёрный цвет, лишь лицо и повёрнутые к слушателям ладони были кроваво-красными.

Юноши синхронно взяли стоящие перед ними чаши, поднесли к губам и медленно выпили из них тёмную и густую, приторно-сладкую жидкость.

– Смерть! – закричал сидящий на возвышении жрец, потрясая руками. С длинным, похожим на стон выдохом, юноши поставили чаши и склонились в поклоне.

– Смерть – высшее благо и цель самого бытия, ибо всё живое обращается в прах, свет сменяется тьмой и время – вечностью. Смерть – наша Госпожа, и мы – воины её.

Низкий, но удивительно звучный голос жреца рокотал и гудел, отражаясь от камней, и слушающим его казалось, что слова волнами перекатываются прямо у них в голове.

– Никто и ничто не может остановить Смерть, и вы, её воины – несокрушимы и непобедимы, ибо сама Смерть руководит вами, ведёт вас и изливается через вас.

Не прекращая говорить, жрец начал медленно раскачивать из стороны в сторону головой, постепенно в движение включился корпус. Юноши, сами не замечая, тоже начали качаться в едином ритме, не сводя со жреца затуманенных глаз; дыхание со свистом вырывалось сквозь стиснутые зубы, обильный пот стекал по мускулистым плечам.

– Хум! Хум! Хуам! Хео-хум! Хум!

Звуки, издаваемые жрецом, обладали глубиной и мощью колокольного звона; от них, казалось, вибрировал спёртый воздух и трепетали, угасая, огоньки в жаровнях. Тела юношей корчились, словно в судорогах, лица исказились нечеловеческим напряжением, а искривленные губы иступлённо повторяли за жрецом слова, падающие, как глухие удары грома.

– Тхао-тунг! Тунг! Тео-тунг! Хонг!

Голос жреца медленно утих, руки опустились. Со скрежетом распахнулась дверь, и в пещеру ворвался солнечный свет и свежий воздух. Юноши сидели, не в силах пошевелиться, в изнеможении хватая воздух широко открытыми ртами, полузакрыв глаза и упираясь в пол дрожащими руками.

– Ступайте, воины Смерти! – обычным голосом произнёс жрец.

Глава 11

Впервые после страшных событий Ксанка уснула спокойно, но пробуждение опять обернулось кошмаром, который, к тому же, не исчез, когда она открыла глаза.

За палаткой раздавались ругань и топот ног, лязгало оружие, звучали короткие, злые команды. И накатывалось знакомое, выворачивающее наизнанку душу улюлюканье – боевой клич атакующих разбойников.

– Лежи, Ксанка, не выходи из палатки! – приказала Амира, выскальзывая за полог.

Но Ксанка не могла оставаться одна, она отбросила меховое одеяло и, не накинув даже куртку, босиком выбежала за Амирой.

Из леса на образованный телегами круг бежали люди, размахивая оружием.

Ксанка увидела, как Амира вытянула вперёд сжатые в кулаки руки и нараспев начала произносить странные слова, звуки которых звучали, словно отголоски далёкой грозы. Между рук волшебницы повисло зеленоватое сияние, Амира раскинула руки в стороны, раскрывая ладони – и сотни искрящихся зелёных нитей скользнули вперёд, словно сетью накрывая передние ряды разбойников. Атакующие с криками покатались по земле, запахло горелой одеждой и, через миг, обугливающейся человеческой плотью. Обозники стреляли из арбалетов, прячась за возами.

Но с другой стороны атака разбойников оказалась более удачной. Там было несколько верховых на хороших конях, которые с разбега перемахнули телеги. Закипела рукопашная. Ксанка видела, как вертится юлой успевший вскочить в седло Тавлат, рассыпая удары меча, как рухнул с рассечённой головой старший охранник, как подняли на копья одного из нападавших.

Амира стояла, широко расставив ноги, её волосы металась вслед энергичным движениям корпуса. С ладоней срывались огненные клубки и били в разбойников.

И в это время будто игла вонзилась в затылок Ксанки. Резко обернувшись, она увидела вылетевшую из-за деревьев группу всадников, и передний разбойник в богатой меховой одежде поднял вверх руку, в которой наливался жёлтым светом какой-то странный предмет. Миг – и словно искажающая пространство волна ударила из него в сторону лагеря, полетели в стороны щепки двух разбитых телег и тела защитников обоза. Всадники мчались в открывшийся проход, и злой жёлтый свет вновь стремительно загорался в руке главаря.

Амира начала оборачиваться, но девочке казалось, что она движется слишком медленно. Губительная волна вновь вырвалась из руки разбойника, и тогда Ксанка шагнула вперёд и схватила её... сжала в кулаке, задавила в зародыше, хотя до разбойника было не меньше пятидесяти шагов. На самом деле она не двинулась с места и даже не пошевелилась, но Амира увидела, как ослепительно вспыхнуло внутри её Голубое Пламя – а боевой артефакт в руке Варравы внезапно взорвался с такой силой, что мчащихся всадников расшвыряло в стороны, словно котят.

К ногам Амиры шлёпнулась бородатая голова в шапке-чернобурке. Знаменитый разбойник-колдун бесславно окончил свой кровавый путь.

Амира бросилась вперёд и схватила Ксанку, прижимая к себе, боясь ощутить каменную твёрдость сведённых кататоническим приступом мышц и увидеть пустой взгляд – но тело девочки оказалось тёплым и податливым, а огромные фиалковые глаза – испуганными, но живыми.

– Ты молодец, девочка моя, – шептала ей на ухо Амира, увлекая в палатку, – молодец!

Глава 12

Жизнь едва теплилась в изломанном теле Саблезуба, когда он очнулся в Храме Несущих Смерть. Какие боги сберегли ему жизнь, скрыли от глаз врагов и не дали сожрать ночным хищникам – осталось загадкой, фактом было то, что судьба явно расщедрилась на подарки. Саблезуба обнаружили собаки разведчиков Несущих Смерть, чей Храм находился как раз за границей земель погибнувшего племени Орла. Жрецы, поклоняющиеся Смерти, оказались весьма сведущи также и в том, как заставить её отступить, да и молодой, сильный организм взял своё.

Спустя месяц Саблезуб сидел во дворе Храма на валуне под гигантской смоковницей. Он был ещё очень слаб, поэтому его не подвергали сильному воздействию наркотических веществ и психогипнотическому влиянию жрецов, однако первичную работу с ним, разумеется, вели. Ему уже объяснили, где он находится, чему будет учиться и кем станет. Он воспринимал всё спокойно, даже отстранённо; казалось, к жизни возвращается лишь его тело, но не душа.

Он не хотел жить. Не мог вспоминать ничего о своей прошлой жизни – счастливых детских игр, мирного труда, радостных праздников. И... Бирюза...

Боль вцеплялась в грудь изнутри десятками острых когтей, грызла голодной гиеной, жалила, как клубок разъярённых ос. Нет, он не хотел вспоминать, не хотел... Вообще ничего больше не хотел.

Солнце уходило к закату, с востока на голубую лазурь неба наползало покрывало цвета индиго, а запад полыхал золотым и алым.

И, внезапно, словно нить из прошлого, невидимая, но прочная, как тетива лука, протянулась к душе Саблезуба. Он глубоко вздохнул, задерживая воздух, мысленно концентрируясь – и ощутил пульсирующий в животе клубок внутренней энергии. Как учил заменивший ему отца Верховный Вождь и Шаман племени Орла Железный Корень, вытянул руки и попросил Мать-Природу поделиться с ним своей Животворящей Силой. И с забытой уже радостью почувствовал, как она вливается через кончики пальцев, наполняя тело лёгкостью, мысли – ясностью, принося покой в измученную душу. Саблезуб закрыл глаза, всем телом впитывая тепло земли, свежесть и аромат воздуха, влажное, сочное дыхание джунглей за каменными стенами Храма. Природа была везде – и её не могла победить мрачно довлеющая над Храмом злая аура. Природа протягивала руку помощи своему дитяти, ласково, матерински улыбаясь.

Мать... Отец... Железный Корень... Бирюза...

– Зачем я остался жив, Мать-Природа? – шевельнулись губы юного воина, бросая в пространство едва слышный уху, но неистово громкий по силе внутреннего наполнения вопрос. – Почему не умер вместе с теми, кем дорожил и кого любил? Неужели мой удел – быть воином, Несущим Смерть, и для этого я один выжил в страшной бойне?

Тишина. Ни ветерка, ни звука. Замерло всё.

– Я не хочу, – прошептал Саблезуб, – не хочу жить, тем более, жить для того, чтобы убывать. Лучше умереть самому и сразу. Скажи, Мать-Природа?

Ветерок, коснувшийся ветвей, был нежен, как сонное дыхание ребёнка, и листва векового дерева над головой Саблезуба не зашелестела – чуть слышно вздохнула. Край глаза уловил движение, и, повернув голову, Саблезуб увидел в воздухе крупную бабочку, трепещущие крылья которой словно разбрызгивали золотые и синие искры.

Не шевелясь, юноша следил за танцем мотылька, который отдалялся, поднимаясь, превращался в едва видимое пятнышко на фоне стены – и исчез в пёстрой зелени леса, плотным ковром покрывающем склоны холмов, прячущих Храм Несущих Смерть. А Саблезуб увидел два дерева, растущие несколько обособленно от остальных – одной породы и схожих очертаний, оба увитые густыми гроздьями выющей лианы. Но крону одного дерева покрывала пышная, свежая листва, а кольца лианы с неё свешивались безжизненными серыми верёвками. На

мёртвой же, высохшей коре второго дерева не было ни одного своего листочка, зато лиана на его оголённых ветвях играла сочными красками молодой зелени.

«Жизнь – вечна, – коснулся сознания Саблезуба негромкий голос, голос немолодой, мудрой и доброй, незнакомой, но удивительно родной женщины, – смерть имеет власть лишь миг, и сама лишь утверждает продолжение жизни. Жизнь оставлена тебе, чтобы восторжествовать над смертью. Живи, Саблезуб, и помни, что гибель всех родных и любимых тобою людей не напрасна. Это – виток твоей судьбы, поворот пути, который тебе предстоит пройти, и одна из вех этого пути – участие в жизни всего сущего, самого мира. Не отказывайся же от дара жизни. Ты – воин, а сила воина направлена на то, чтобы убивать, но лишь тебе решать, как, когда и во имя чего применишь ты эту силу. Пройди свой путь до конца!»

Вскоре Саблезуб стал лучшим учеником своей группы. Душа его обрела спокойствие и цель, он не пытался бежать из Храма, джунгли за стенами которого охраняли натасканные на людей леопарды и лучники с отравленными стрелами. И он учился – учился искусству отнимать жизнь, уже зная, как его применит. Каждый день и каждую ночь он находил время поговорить с Природой, зачерпнуть её Животворящей Силы, и она защищала его от гипноза жрецов и действия психомагических декоктов. Во время проповедей-сеансов он лишь имитировал транс, всегда сохраняя ясное сознание, хоть порой это требовало значительных усилий. Учился же он, не жалея себя; впрочем, по-другому в Храме было нельзя, всё время занимали жёсткие, но продуманные и эффективные тренировки.

Особое внимание на первоначальном этапе общей подготовки уделялось выносливости и терпеливости – прошедшие этот этап могли сутками неподвижно стоять, лежать или даже висеть в самых неудобных положениях и невероятных местах, преодолевать огромные расстояния шагом, бегом или ползком, неделями обходиться без отдыха, пищи и воды. Кроме того, их учили изменять внешность – возраст, пол, лицо, фигуру, походку, маскироваться и прятаться там, где это казалось невозможным в принципе, а также – наблюдать и собирать информацию.

Затем учеников поделили на несколько направлений: одних готовили для убийства в непосредственном контакте с жертвой, других – убивать на расстоянии, третьих делали специалистами по изготовлению и применению ядов, а четвёртых учили особому искусству специальной дрессировки животных, натаскивая их на убийство людей. Саблезуб попал в первую группу. Здесь не готовили бойцов для открытых воинских поединков. Саблезуб учился убивать любым оружием и голыми руками – убивать внезапно и мгновенно, не давая жертве ни малейшего шанса не то, что оказать сопротивление, а вообще вступить в схватку. Учился проходить мимо охраны, не привлекая внимания не только людей, но и сторожевых собак, открывать замки и взламывать запоры, взбираться по гладким вертикальным стенам и пролезать в щели, которые зрительно были малы даже для ребёнка. Учился убежать стремительно и неуверенно, взбега по стенам, с разбега пролетая сквозь немыслимо узкие окошка, кувыркаясь над зубцами и кольями, просчитывая с одного взгляда несколько путей отхода и каждый путь – на несколько движений вперёд. Впрочем, уход с места убийства вовсе не был обязательной частью плана. Если требовала ситуация, Несущий Смерть вполне мог пойти на верную гибель – лишь бы выполнить задание, ведь сама смерть для него являлась высшим благом.

Жесточайшие тренировки выматывали тело, а одурманивающие проповеди-сеансы скрывали душу. Среди учеников было примерно равное количество юношей и девушек. Они спали отдельно, в двух длинных, низких помещениях, на подстилках из пальмового волокна и листьев, ели в общей столовой под навесом. Проповеди им читались отдельно, а занятия проводились как по отдельности, так и вместе. И ни у кого из учеников не возникало никаких чувств, желаний и мыслей при виде полуобнажённых, мускулистых и гибких тел противоположного пола. Режим храмовой школы был рассчитан и выверен. Все юноши и девушки были просто учениками – существами без пола, будущими воинами, Несущими Смерть, все

помыслы которых устремлялись лишь на совершенствование своего зловещего мастерства. Так в Храме было всегда.

Но теперь среди учеников оказался Саблезуб. Сопrotивляясь одурманивающему влиянию, он сохранял себя, как личность. Молодая кровь играла в сильном теле, и наваливающаяся к вечеру свинцовая усталость не мешала ярким снам. Кошмарные видения, преследовавшие первое время, понемногу отступили, и всё чаще во сне стали приходить будоражащие душу, яркие и волнующие образы. После пробуждения кровь шумела в висках, сердце колотилось в груди, как бьющаяся птица, а напряжение в паху было сладким и болезненным одновременно.

На занятиях Саблезуб заглядывался на сильных и ловких девушек. Ощущения не имели ничего общего с тем физическим и душевным трепетом, который когда-то охватывал его при виде Бирюзы, но определённо были захватывающими и приятными. Однако девушки, как и юноши, тоже не проявляли никаких видимых природных интересов. Все, кроме одной.

Впервые Саблезуб встретился взглядом с Наобой во время обеда. И глаза девушки не скользнули равнодушно по его лицу и не опустились вновь в миску с кукурузной кашей и кусочками мяса. Они глядели пристально, не мигая, и Саблезуб вдруг ощутил щекочущие кожу между лопатками мурашки. Он неуверенно попытался улыбнуться – и с изумлением увидел, как уголки губ Наобы ответно вздрогнули, а в глазах плеснулись искры.

С тех пор Саблезуб и Наоба искали любой случай для подобного безмолвного диалога. Саблезуб понял, что Наоба чем-то неуловимо напоминает ему Бирюзу – такая же стройная, хоть и очень женственная, с такими же густыми чёрными волосами и похожей, мягкой и детской линией губ. Но разрез карих, а не синих глаз был более округлый, мышцы значительно сильнее развиты, да и волосы собраны в тугий пучок и закручены на затылке, чтобы не мешали на тренировках.

Дело было вовсе не в том, что Саблезуб забыл Бирюзу. Образ девушки по-прежнему во всех подробностях всплывал перед его глазами при малейшем воспоминании, но когти боли, рвущие изнутри грудь, со временем притупились. Воля к жизни оказалась всё же сильна, а молодая душа, желающая жить, неизбежно ищет в окружающем мире точку опоры. Ведь месть и кровь – стимулы, безусловно, сильные, но столь же и страшные, и Саблезуб инстинктивно чувствовал, что, опираясь только на них, можно скатиться в бездонную пропасть потери человеческого духовного облика.

Во время очередных общих занятий по физической подготовке Саблезуб и Наоба одновременно закончили упражнение, состоящее в перепрыгивании по верхушкам брёвен, вкопанных на разных расстояниях друг от друга на различной высоте, и вместе, плечом к плечу, направились к исходной точке.

– Я буду ждать тебя сегодня ночью за колодцем. – услышал вдруг Саблезуб низкий, грудной голос девушки, и даже сбился с шага, тряхнул головой, словно приходя в себя после удара в челюсть. Бросил быстрый взгляд на Наобу – она не смотрела на него, шла, закусив губу, на виске пульсировала жилка. Дышала часто и прерывисто, и это не было результатом перенесённой нагрузки – они умели держать дыхание на суточных марш-бросках по пересечённой местности. Саблезуб вдруг понял, что и сам дышит точно так же, и почувствовал, что девушка вся сжата, как пружина, в ожидании ответа.

– Я приду. – неловко проговорил он, и удивился, как неестественно прозвучал его голос.

Особого надзора за учениками внутри храма не было. Жрецы полагались на несокрушимость своей системы, были уверены в полном контроле над душами учеников. Тех, кто пытался противиться внушению, быстро обнаруживали, и к ним применяли более сильное воздействие наркотиков, гипноза и магии, которое либо ломало их волю, либо просто убивало. Саблезуб был первым, кто сумел обмануть жрецов Смерти, благодаря науке Разговора с Природой. Второй оказалась Наоба.

Они встретились в благоухающих ароматом ночных цветов зарослях за каменным колодецем. Ночи в это время уже утратили особо жаркую липкость, воздух был приятен и свеж. Журчали цикады, жёлтый лик луны лил на землю серебристый рассеянный свет.

Саблезуб и Наоба замерли на расстоянии вытянутой руки друг от друга.

– Ты... пришла... – прошептал Саблезуб, физически ощущая дрожь тела девушки, словно передающуюся по воздуху.

– Да, пришла. – ответ Наобы прозвучал, тем не менее, твёрдо и даже с вызовом, но уже в следующий миг голос ей изменил и задрожал, как и губы. – Я... Не думай, что... Я не знаю, как...

Она беспомощно умолкла, опустила голову. Саблезуб шагнул вперёд и прижал девушку к себе. Два сердца забились в одном ритме, и дыхание стало общим. Пальцы юноши зарылись в густые, рассыпанные на этот раз по спине волосы, гладили шелковистую кожу. Наоба, всхлипнув, отстранилась, вновь взглянула ему в глаза.

– У меня был жених, но мы не прошли обряда Единения. Я никогда не была с ним... как с мужчиной. Но сейчас... скоро нас будут обучать искусству телесной любви. Я подумала, что... Пусть лучше первым меня познает не жрец Смерти, а... Ты мне...

Она вновь смешалась, умолкла, прильнув к Саблезубу, и он ощутил на своей груди горячие слёзы. Он клял себя за малодушие, но не мог связать вместе и нескольких слов, не знал, как успокоить девушку, как сказать о своих чувствах.

– Ты очень красивая, Наоба, – наконец смог произнести он, – правда. И я не думаю ничего плохого. Ты мне очень нравишься, и я...

Он тоже умолк, но, очевидно, слова уже и не были нужны. Мать-Природа руководила своими детьми, мягкая трава стала их ложем, пахучие кусты охраняли их бдительной стражей, а сверху ласково глядело безбрежное море ночного неба, и полное обоюдное отсутствие опыта не стало помехой, ведь ни один из них не знал ещё, чего ожидать, а случившееся превзошло все ожидания.

Их встречи стали повторяться чуть не каждую ночь. Оба искали в них далеко не только телесное наслаждение, а, скорее, возможность ощутить себя кому-то нужным, убедиться, что в беспощадном окружающем мире есть хоть одна родная душа.

Они разговаривали, прижавшись друг к другу, глядя в тёмную глубину небес. Судьба Наобы оказалась удивительно схожей с судьбой самого Саблезуба, которого после рассказа даже пробрала дрожь. Наоба жила в одной из окраинных деревень великого королевства Мхарат, была дочерью местной целительницы, помогающей людям силой богини любви Аранг. Король Дракгор стал кнутом и топором насаждать на подвластных себе землях поклонение богу войны, Змею Арро, везде сооружая жертвенники и ставя своих жрецов. Мать Наобы продолжала учить любви и милосердию, как завещалось ей от предков, и однажды в деревню явились воины Дракгора – с гребнём волос на бритых головах и топорами с тремя шипами на обухах. С ними были ужасные великаны – наполовину люди, а наполовину хищники. Мать Наобы живьём сожгли на деревенской площади, пытавшегося защитить её брата убили, а Наобу хотели отвезти в столицу, чтобы сделать рабыней-наложницей, но она сумела вырваться, вскочила в пирогу и полетела вниз по реке. Чтобы избавиться от погони, она направила лодку в рукав, оканчивающийся порогами и водопадом. Когда пирога разбилась в щепки, Наоба потеряла сознание в бешеном потоке, а очнулась уже здесь, в храме.

«Итак, Дракгор, король Мхарата, – думал Саблезуб, – это он рассылает со смертью отряды бритоголовых воинов и звероголовых великанов. Это по его приказу уничтожили, стёрли с лица земли моё племя, племя Орла.»

О том, что не все люди живут свободными племенами, выбирая вождей и зарабатывая своим трудом всё необходимое для жизни, он уже знал. К физическим тренировкам добавились занятия, на которых будущих убийц учили читать и писать, рассказывали об устройстве мира,

о разных странах и населяющих их народах, об их обычаях и укладе жизни. Для Саблезуба это было чрезвычайно интересно, он впитывал новые знания, как сухая губка из сердцевины дерева воду. Их обучали основам языков и наречий самых разных народов, в том числе белокожих и желтокожих, живущих на севере за огромной равниной из солёной воды – морем. Оказалось, что чародеями мира созданы четыре языка, называемых общими; каждый из них объединял языки определённой группы народов, и, благодаря вложенным магическим компонентам, был достаточно прост в изучении, проникая в глубины подсознания. В Храме изучали все четыре общих языка, чтобы будущие воины могли свободно общаться с людьми в любом уголке мира. Всё это должно было служить единственной их цели – нести Смерть.

Наоба рассказала Саблезубу, что во время проповедей погружается в транс вместе со всеми, но по ночам ей снится её мать, жрица богини любви. Она держит её за руку, и говорит о том, что миром должна править любовь, а людей нужно жалеть и прощать.

– Мне кажется, что она протирает мне глаза изнутри, – сказала Наоба, – на них как будто образовывается плёнка, и я смотрю сквозь неё, вижу мир, в котором главенствует смерть. А мама снимает эту плёнку – и я снова становлюсь прежней...

Но последние слова прозвучали не совсем уверенно.

Они прошли также науку телесной любви. Несущие Смерть не могли любить и быть любимыми, в том, чему их обучали, не было места таинству и чувствам. Близость мужчины и женщины представляла собой лишь инструмент, с помощью которого можно было получить нужные сведения, ближе подобраться к жертве, в конце концов – просто сбросить напряжение, мешающее сосредотачиваться на выполнении задания. И чем изощрённее становились объясняемые им приёмы получения наслаждения, тем сильнее Саблезуб ощущал, как словно втаптывается в грязь всё то, о чём он мечтал, любя Бирюзу, то, что происходит между ним и Наобой. Они не прекращали своих встреч, им не нужны были никакие изыски – важна была близость скорее духовная, чем телесная, и всё происходило так же, как и в первый раз – спонтанно и порывисто, горячо и бережно одновременно, и это было наслаждение, которого никогда не постичь, следуя чётким и конкретным инструкциям учителей.

А затем обучение подошло к концу.

Глава 13

Одинокий всадник, постучавший подвешенным на цепи молотком в ворота Школы телохранителей, был закутан в тяжёлый плащ с низко опущенным капюшоном. Часовых он не захотел показать лицо и назваться, лишь потребовал позвать Наставника, при этом произнести непонятное слово. Солнце уже опустилось за кромку недалёкого леса, но основатель Школы, известной во всем Четверокняжестве, Междуречье и даже за их пределами, не спал. Он сидел за столом перед раскрытым огромным фолиантом в старинном кожаном переплёте; огонёк искусно сделанного светильника с полированным отражателем бросал чуть мерцающий свет на пожелтевшие страницы с написанным хитрой вязью текстом, ещё несколько столь же внушительного вида книг лежали рядом. Однако Наставника даже сейчас трудно было спутать с учёным, всю свою жизнь посвятившим одной лишь науке. Даже в том, как он переворачивал страницы, поворотах головы и просто в осанке чувствовалась страшная сила – не та, которую демонстрируют на ярмарках, разгибая подковы и поднимая гружёные зерном телеги, а грозная способность в любой миг взорваться каскадом молниеносных ударов, захватов и бросков, рассыпая вокруг смерть даже без помощи висящего на поясе кинжала с хищно изогнутым клинком.

Узнав о словах путника, он немедленно покинул свою комнату на втором этаже терема и сбежал по лестнице так стремительно, что ученик, вдвое младше его по возрасту, лишь покачал головой, в который раз спрашивая себя, не являются ли густо засеребренная коротко стриженую голову Наставника седина и резкие морщины у глаз и рта маскировкой.

Вскоре Наставник остался с гостем наедине. Хозяин запер тяжёлый засов, плотно задвинул шторы и извлёк из ящика стола странное устройство, напоминающее причудливое соединение нескольких геометрических фигур из толстой серебряной проволоки. Что-то повернув в устройстве, Наставник поставил его на стол и обратился к хранящему молчание гостю:

– Можешь снять свой капюшон и расслабиться. Здесь – одно из самых безопасных мест в мире. От людей тебя охраняет сотня лучших воинов Запада, а от магического зрения – подаренный тобою амулет.

Пришелец сбросил капюшон, и оказался весьма почтенным, но всё ещё крепким стариком с тяжёлой гривой седых волос и седой же окладистой бородой. Кожу широкого лица с крупными чертами во множестве пересекали морщины, но сама она была здорового цвета, без следов старческой пигментации или болезненной бледности. Большие карие глаза смотрели твёрдо и внимательно, а всё ещё полные губы улыбались тепло и дружелюбно.

Мужчины одновременно шагнули вперёд и обменялись крепким рукопожатием, а затем стиснули друг друга в объятиях. Гость казался старше на добрых два десятка лет, но сразу чувствовалось, что их объединяет давняя, не слабеющая со временем дружба.

Да и на самом деле пришелец был старше хозяина не на двадцать лет, а на все полторы сотни.

– Десять лет, – сказал Наставник, – десять лет мы не виделись с тобой, мой старший названный брат. Время неумолимо, и ни я, ни даже ты не молодеем. Что ж, по-моему, нам нечего сетовать на судьбу: ты – Хранитель Башни, берегущий весь наш мир, ну а я, хоть и куда более скромная фигура, тоже воспитываю своего рода хранителей, и Школа, созданная мною, даёт миру лучших бойцов, на счету которых уже сотни, если не тысячи спасённых жизней.

– Да уж, судьба не щадила нас, брат, – отвечал Верховный Хранитель Третьей Башни, – но и ты, и я прошли через её испытания, оставаясь людьми. И мне приятно всё время знать и чувствовать, что в этом беспокойном мире есть человек, на которого я могу рассчитывать в тяжёлый час.

В дверь почтительно постучали. Хранитель Башни вновь набросил капюшон, и Наставник открыл дверь. Трое учеников с поклоном внесли в комнату деревянную бадейку с тёплой водой и подносы с ужином, быстро разместили принесённое и молча удалились.

Гость наскоро освежился с дороги, и мужчины сели за простой, но сытный ужин – гречневая каша с топлёным маслом, жареная свинина, свежий хлеб, солёные огурцы и хлебный квас. Ели сосредоточенно и молча – каждому, очевидно, было о чём подумать и что вспомнить, а оба понимали, что разговор предстоит серьёзный и долгий.

– Итак, – произнёс Наставник, разливая в чаши вино из высокого кувшина, когда с едой было покончено, – теряюсь в догадках, брат: какая причина погнала в тайное путешествие самого могущественного мага Запада, который уже десять лет не покидал Хранящей Башни?

– Причина, поверь мне, есть, – не спеша ответил чародей, принимая чашу и с наслаждением вдыхая аромат тёмного вина, – в моё отсутствие шестеро моих лучших магов, учителей Школы Чародеев, выбиваются из сил, закрывая Окно. А у коня, даже подкреплённого изрядной дозой магии, всё же есть предел сил, да и я не из железа сделан. Я проделал долгий путь, причём, смею надеяться, сохранил своё путешествие в тайне.

– Прости, Хранитель, – пригубив вина сказал Наставник, – мне доводилось видеть, как ты телепортируешься на расстояние значительно большее, чем то, которое отделяет мою Школу от Третьей Башни.

Хранитель покачал головой.

– Такая телепортация сделала бы моё путешествие невидимым для обычных людей, это верно. Но столь мощный телепорт вызывает сильные магические возмущения, которые могут быть почувствованы... В общем, теми, кому не следует знать о нашей с тобой встрече и разговоре.

– Слушаю тебя, брат, – склонил голову Наставник, – видимо, положение действительно серьёзно. Расскажи же всё, что мне следует знать.

Хранитель отставил чашу и закрыл глаза, собираясь с мыслями.

– Я хочу, чтобы ты понял меня в полной мере, – наконец медленно заговорил он, – поэтому начну издалека, хотя я знаю твою склонность к наукам и допускаю, что не открою для тебя много нового. Тем не менее, так я смогу составить цельный рассказ и объяснить тебе, какие изменения могут грянуть в окружающем мире, чем это грозит, и что я хочу именно от тебя.

Земля находится в непрерывном магическом потоке Энергии Космоса. Издревле были люди, способные черпать и преобразовывать эту энергию. Беда заключалась в том, что колдуны древних времён вовсю участвовали в войнах племён и народов. Результатом были ужасающие по мощи и разрушительности битвы магов, сопровождающие сражения воинов. Пролитая кровь и смерть сотен гибнущих бойцов удесятерила силу чар. Менялся ландшафт планеты, исчезали целые народы. Впереди ждал хаос и полное уничтожение.

Остановить гибель мира решил величайший маг Аванраш. Он объединился с шестью чародеями, которые разделяли его озабоченность судьбой Земли и человечества. Этот Союз Семи сумел стабилизировать ситуацию и установить порядок, существующий поныне, основой которого является полнейшее невмешательство магов в политику людей.

Нынешняя магическая картина мира такова.

Вся земля опутана сетью магической энергии; она разлита во всём пространстве, более концентрирована на силовых линиях и ещё более – в узлах, местах пересечения линий. Во времена магических битв поле Земли было пробито в нескольких местах. В эти так называемые Окна энергия из Космоса вливалась неконтролируемым потоком, что приводило к катастрофам. Поэтому Аванраш и его союзники воздвигли под всеми Окнами Хранящие Башни. С того времени постоянно могущественные чародеи в них распределяют энергию Космоса по линиям

магической сферы Земли, при необходимости ослабляют либо вовсе экранируют поток. Позже при Башнях основали Школы Чародеев.

Что касается магической энергии Земли, можно выделить следующие её уровни.

Первый – это внутренняя энергия, присущая каждому человеку. Управлять ею можно научиться посредством воли, закаляя и тренируя свой дух. Это под силу любому человеку, но особо распространено среди воинов, что тебе, несомненно, знакомо не понаслышке. Управление внутренней энергией даёт возможность повысить силу, выносливость, скорость, понижает чувствительность к боли; в некоторых границах даёт возможность самоисцеления, управления организмом; усиливает интуицию, ощущение эмоционального фона других людей; позволяет влиять на более слабых духом на подсознательном уровне.

Второй уровень – это энергия, разлитая в пространстве. Её концентрация и управление ею тоже в большой степени может осуществляться за счёт сильной воли, но, кроме того, существуют специальные обряды, заговоры и молитвы. Как правило, знание их передаётся по наследству. Пользователями такой энергии являются всякие шаманы, жрецы, ведьмы и им подобные. Они могут насыщать и снимать порчу, лечить некоторые болезни, в небольшой степени влиять на решения и поступки людей, подчиняя их своей воле. Таких людей мы называем «природниками». Они также могут владеть зачатками гипноза или телепатии. Следует отметить, что сила их магии может в несколько раз возрастать при использовании древних обрядов, артефактов или амулетов – накопителей энергии.

Энергия силовых линий магической сети Земли – на порядок, а то и два-три более мощная. Способность подключаться к ним заложена на генетическом уровне и проявляется спонтанно. Случайные, неконтролируемые подключения к силовым линиям весьма опасны как для самого подключившегося, так и для окружающих. Людей, наделённых такими способностями, следует непременно отправлять в Школы при Хранящих Башнях. Там их обучают магической науке. Им подвластны сложные заклинания, телепатия, гипноз и прочие возможности. В результате обучения из Школ Чародеев выходят боевые маги, задача которых – защита людей от хищников, разбойников и порождений Иного Мира, травники-целители, лечащие людей от многих болезней, изготавливающие зелья, бальзамы и эликсиры, и предсказатели-амулетчики, предупреждающие о грозящих опасностях и делающие разрешённые боевые, защитные и хранящие амулеты. Все они по окончании обучения отправляются в свободный мир, зарабатывая на жизнь своим искусством. Они обязаны платить установленную пошлину местным властям и отправлять взносы выпустившей их Школе, а также выявлять и препровождать в Башни потенциальных магов, докладывать обо всех странных проявлениях магии и нарушении Кодекса Чародеев. Серьёзные нарушители преследуются силами всех Хранящих Башен.

Ещё более высокий уровень – энергия силовых узлов. Подключаться к ним могут научиться лишь самые талантливые ученики Школ. Им подвластны многоступенчатые заклинания и чародейство высокого уровня, которое непосвящённые принимают за чудеса, так как кажется, что они нарушают законы природы. Это телекинез, левитация, телепортация, превращения и создание. Только очень сильные маги способны выдержать энергетический откат, ибо нарушения природных законов бытия – лишь кажущиеся, на самом деле всё упирается в поглощение чародеем избыточной энергии или выброс недостающей. Такие маги остаются при Башнях. Они преподают в Школах Чародеев, развивают магическую науку и помогают Хранителям регулировать магические потоки из Космоса, а также выполняют их специальные поручения.

Магов, способных напрямую черпать энергию из Космоса – единицы, и твой покорный слуга в их числе. Этой способностью владеет не каждый Хранитель. Возможности применения такой энергии огромны – контроль над стихиями, изменение Земли, управление целыми народами. Это большая ответственность и тяжкий груз.

Примерно сто лет назад в наш Мир начала просачиваться Тёмная Энергия Иного Мира – очень злая, невероятно сильная, направленная на единственную цель: уничтожение и разру-

шение. Пробои между Мирами происходят в следующих случаях: применение древних, часто кровавых ритуалов из далёкого прошлого; нечаянные действия неопытных магов; специальная волшба, направленная именно на это. В любом случае, Тёмная Энергия сразу или постепенно, но неизбежно, подчиняет соприкоснувшегося с ней человека, заставляя его выполнять свою волю. Хотя надо признать, что возможности, которые она предоставляет своим носителям, головокружительны и позволяют достигнуть вершин магической силы за короткие строки. Особо сильные Пробои мы именуем Тёмными Вратами; через них в наш мир проникают из Иного кошмарные монстры, а энергия из них изменяет людей, превращая в упырей и кикимор. Со всеми такими порождениями Тьмы и борются наши боевые маги.

Хранитель умолк, вновь прикрыл глаза, собираясь с мыслями. Не торопясь, взял чашу и глотнул вина, пригладил обеими ладонями бороду, коснулся пальцами медальона под ней. Наставник не шевелился, серые глаза его глядели на рассказчика внимательно, с лёгким прищуром, почти не мигая.

– Мне в своё время выпала честь стать Верховным Хранителем Третьей Башни, именно той, где окончил свой земной путь великий Аванраш. Он усиленно трудился практически до самой кончины и очень много сделал для развития магической науки. Он – основной разработчик четырёх всеобщих языков, дающих возможность каждому просвещённому человеку общаться с людьми из любого уголка земли. Именно он – автор Кодекса Чародеев, которому неукоснительно должен следовать каждый маг. В нём есть так называемый «красный список» – перечисление направлений магии, в которых категорически запрещены всякие исследования, и которые нельзя применять на практике. Нарушение «красного списка» любым чародеем влечёт единственное наказание – смерть. Мудрый Аванраш создал список не случайно: в него включены именно те направления магии, двигаясь по которым легко открыть Тёмные Врата и соприкоснуться с Иным Миром. Это, к примеру, некромантия – волшба, связанная с миром мёртвых, также магия, направленная на изменения биологического возраста и достижение бессмертия, и предсказания будущего.

Впервые за всё время рассказа Наставник пошевелился, наклоняясь вперёд, но Хранитель опередил его, махнув ладонью.

– Знаю, ты хочешь спросить, как, не нарушая Кодекса, великие маги живут несколько сотен лет, и как работают выпускаемые нашими школами предсказатели. Что касается долгожительства, то чародеи всего лишь умело используют скрытые резервы своего организма. На самом деле, практически любой человек мог бы жить сто – сто пятьдесят лет, но не умеет этого делать. Предсказатели же могут предвидеть лишь конкретные опасности, которые с большей или меньшей вероятностью могут угрожать человеку в некоторый ближайший период времени. Например, они говорят: «Следующие три луны вам следует быть поосторожнее с водой.» Если человек желает, они делают ему оберегающий от воды амулет, срок действия которого тоже ограничен. Такое вмешательство в судьбу носит характер случайности – обратится ли человек к предсказателю, закажет ли амулет или же предпочтёт обойтись собственной осторожностью. К тому же, большинство людей не бежит к прорицателям каждые несколько месяцев. Таким образом, изменение судеб незначительно и не играет роли в колебаниях магического поля Земли.

В «красном списке» же имеются в виду предсказания, которые могут кардинально менять жизненный путь человека, задевая судьбы других людей, что ведёт к сильным искривлениям силовых линий и печальным последствиям. К тому же, глобальные предсказания для людей, облечённых властью, по сути являются вмешательством в политику и могут сказаться на целых народах.

Наставник кивнул, показывая, что понял, и, отпив вина, вновь неподвижно замер за столом. Хранитель продолжал:

– И всё же Аванраш сам и нарушил свой собственный запрет. Он оставил в Хранящей Башне стеклянный шар трёх локтей в диаметре, заключённый в стальную раму в форме куба. Он никому не сказал, в чём его назначение. Сознаюсь, что после его смерти многие маги, и я в том числе, пытались разгадать тайну шара, но безрезультатно. И вот, в прошлое осеннее равноденствие, заключённая в шаре магия проснулась. На поверхности шара проступили символы и письма чёрного и белого цвета. Над их расшифровкой я трудился трое суток без минуты отдыха.

Хранитель сцепил пальцы с такой силой, что они хрустнули. Внимательный Наставник обратил внимание, что руки Хранителя подрагивают от волнения и скрытого напряжения.

– Это было предсказание, – с усилием заговорил он, – предсказание, касающееся судьбы всего мира. И я рассуждаю так: Аванраш положил свою жизнь на то, чтобы заставить магию служить во благо людям; его Кодекс призван уберечь человечество от гибели в чародейских интригах и схватках. И если он осознанно пошёл на нарушение своих же законов, значит, перед ним встал выбор меньшего из двух зол. Чтобы уберечь мир, маги должны нарушить вековой нейтралитет, хоть это и может свергнуть всё в хаос.

Хранитель допил вино и вновь сцепил пальцы.

– Таким образом, на меня легла чудовищная ответственность. Я должен поступать на свой страх и риск; в случае бездействия наш мир может ждать гибель, но эта гибель столь же очевидна, если я ошибусь в своих решениях.

Наставник медленно покивал. Он готовил лучших бойцов-телохранителей на всём Западе уже добрую дюжину лет, и столько же сам лично подвизался в этом ремесле. Ему не понаслышке была известна тяжесть принятия решения в ситуации, когда и бездействие, и ошибочное действие равно приведут к гибели защищаемого тобой человека.

– Суть предсказания Аванраша состоит в том, – слегка дрогнувшим голосом сказал Хранитель, – что на Земле появится источник некоей совершенно новой формы магической энергии. Аванраш назвал её Голубое Пламя. Эта энергия своей мощью может превзойти силу всех чародеев современности. Легко представить, что если Источник Голубого Пламени пожелает служить Тёмному Миру, гибель Земли станет неизбежной.

Следуя инструкциям Аванраша, я начал поиск Источника. Мои магические методы тебе неинтересны... важно то, что Источник Голубого Пламени действительно отыскался. Я отправил за ним свою лучшую ученицу, и девочка (а это девочка двенадцати лет) уже доставлена в Третью Башню. Она будет учиться в Школе Чародеев, обучится нашей магии, а, самое главное, в её сознание попытаются накрепко вколотить Законы Чародейского Кодекса. Это воспрепятствует её контакту с Иным Миром... Да...

И тогда Наставник подал голос.

– Насколько мне известно, – в упор глядя на собеседника проговорил он, – случаи отступничества от Кодекса хоть и редко, но всё же случаются. Все чародеи-ренегаты несут заслуженную кару, но дело не в этом. Знание Кодекса не даёт гарантии его выполнения. Таким образом, шанс на то, что твой Источник попадёт в услужение к Иному Миру существует...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.